

Инна Баршинская

*Детектив
сильных
страстей*

ЭКСМО

Лев с Ножом в Сердце

Детективный триумвират

Инна Бачинская

Лев с ножом в сердце

«ЭКСМО»

2012

Бачинская И. Ю.

Лев с ножом в сердце / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2012 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-699-60463-0

После долгого молчания в городе опять объявился неуловимый убийца по прозвищу Антиквар. Несколько лет назад его жертвами стали владельцы редких произведений искусства, и вот похожее преступление совершено вновь... Лиза любила свою работу. Она отвечала на письма читательниц журнала, не уставая уверять их, что все будет хорошо, хотя у нее самой хорошего в жизни было мало. Мать бросила Лизу прямо в роддоме, ее заменила директриса детского дома, но недавно она умерла. Девушка осталась совсем одна... И вдруг в ее жизнь ворвалась мама Ира – с молодым мужем и крошечной дочкой. Непутевая родительница скрывала истинную цель своего приезда, но Лиза почувствовала ее напряжение и страх... Лиза часто мечтала о возвращении матери, но даже не представляла, как это может повлиять на жизнь – и смерть! – очень многих людей...

ISBN 978-5-699-60463-0

© Бачинская И. Ю., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Инна Бачинская

Лев с ножом в сердце

*В низенькой светелке
Огонек горит,
Молодая пряжа
Под окном сидит.*

*Молода, красива,
Карие глаза,
По плечам развита
Русая коса.*

*Русая головка,
Думы без конца...
Ты о чем мечтаешь,
Девушка-краса?*

Народная песня

*Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными людьми и событиями случайно и непреднамеренно.
Автор*

Пролог

...Их было трое. Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице, чутко прислушиваясь к звукам, доносящимся из квартир, усиленным коридорным эхом. На четвертом этаже вожак поднял руку – пришли. Он позвонил. Двое других стояли по бокам. Было слышно, как дребезжащий звонок разнесся по квартире.

– Кто там? – спросил старческий голос.

– Это я, Станислав Андреевич, – отозвался вожак. – Мы договаривались.

– Да, да, сейчас...

Старик погрел замками, и дверь открылась. Вожак шагнул в прихожую, тесня хозяина. Двое других метнулись следом.

– Что такое... – пробормотал старик. – Что...

Больше он не успел ничего сказать. Он даже не успел закричать. Вожак ударил его топором в лицо. Бил, преодолевая страх, еще и еще, чувствуя, как нарастает ослепляющая злоба. Бил до тех пор, пока товарищ не схватил его за плечо. Тогда он обернулся с белым от ярости лицом – что? Брызги крови на его одежде казались черными...

Товарищ приложил палец к губам.

– Славик, кто это? – звала женщина из глубины квартиры. – Славик! Кто пришел?

Вожак бросился на голос...

Глава 1

Девушка с письмом

«...После этого он меня бросил. И женился на моей лучшей подруге, которая его у меня отбила. Хотя ничего особенного я в ней не нахожу. Они меня даже на свадьбу не позвали. Думали, я не знаю. Но я все знала. Все у нас знали.

Дорогая Катюша, что же мне теперь делать? Мало того, что меня бросил любимый человек, так еще и предала лучшая подруга. Как же они теперь жить будут? Ведь куда ни глянь – всюду я.

Мне и так тяжело, а тут еще приходится делать вид, что мне все по барабану. Я уверена, Сережа меня еще любит, а она его отбила. Задурила голову своим щебетом.

Дорогая Катюша, посоветуй, что мне делать, как выбросить Серегу из головы. Очень жду от тебя ответа.

С уважением, твоя Елена Д.».

Я положила письмо на стол и задумалась. Стрелка на электронных часах короткими рывками отсчитывала время. Было уже без трех шесть. Через три минуты народ побежит по домам. Сначала проскачет по длинному коридору звездное дитя редакции Аэлита. На очередное свидание, с чувством честно выполненного долга. Потом протопает бегом фотограф Сеня, толстый, сопящий, жующий на ходу булку – в вечерний дозор по кабакам и стриптиз-барам. Потом веб-дизайнер Смайллик, тощий рыжий недомерок с отсутствующим взглядом, уходящий, чтобы вернуться к десяти-одиннадцати – лучшие часы для работы – и повкалывать до третьих петухов.

Секретарша Нюся пронесет себя с достоинством, не спеша. На улице ее ждет вышколенный супруг с авто. Откроет дверцу, заботливо усадит супругу, без стука захлопнет. Нюся вымуштрует и хулигана-рецидивиста, и тот будет ходить по струнке, вытирать ноги, придя с улицы, и мыть руки перед едой. И даже вышивать крестиком салфетки. Нюся старше Коли на семь лет, характер у нее мерзкий, внешность сомнительная. Но держится королевой – спина прямая, лицо надменное, в глазах – лед. Единственный человек, вызывающий у Нюси положительные эмоции, причем вполне искренние, а не верноподданнические, – босс, или шефиня, Иллария Успенская, владелица и генеральный директор издательства.

Издательство! Громко сказано. Наше предприятие выпускает один-единственный журнал, правда вполне гламурный, для высшего света, с городскими сплетнями, новостями высокой, с позволения сказать, культуры, кулинарными рецептами и гималайскими диетами. А также занимательным из науки и техники – вроде сомнительных барабашек, летающих объектов, психогипноза, оккультных сфер и непознанного, которому и названия никто еще не придумал. С показаниями очевидцев.

Плюс полезные советы. Как! Как завоевать Его, как увлечь Его, как вести себя с Ним в постели, как довести Его до Дворца бракосочетаний. Советы раздает дипломированный психоаналитик Раиса Дурова, личность, модно сказать, культовая, она же – старая дева и истеричка.

На страницах журнала резвятся городские публичные фигуры: Регина Чумарова, законодательница мод, хозяйка дома моделей «Икиара-Регия» с советами прекрасному полу, как себя подать, чтобы завоевать Его, но уже не с точки зрения психологии, а наоборот, исходя из личных физических данных; а также как правильно одеваться и раздеваться, чтобы подчеркнуть одно и маскировать другое. И все это – с дальним прицелом залучить в дом моделей новых клиентов.

Актриса местного драматического театра красавица Станислава Вильмэ представляет стихи собственного сочинения, а потом театралы до драки спорят, кого она имела в виду под «черногласным андрогином» и что бы это вообще значило. Что бы это ни значило, слава поэта прочно закрепилась за этой дамой.

Жена мэра совершенно безвозмездно делится кулинарными рецептами своей бабушки. Ей не нужна слава, это милая и скромная женщина. Я дорого бы дала, чтобы взглянуть на смельчака, рискнувшего приготовить ее фирменный салат «Ямайка»: гречневая каша с корицей, маринованным горошком и сушеной клюквой, сдобренная оливковым маслом пополам с горчицей. Такое не выдумает ни одна бабушка! Евгения Марковна, художник-оформитель в прошлом, дама с огоньком и фантазией. Она уверена, что главное в блюде не вкус, а дизайн.

Одна из самых колоритных фигур редакции – визажист-косметолог Эрнст Шкиль, или просто Эрик, проникновенно смотрящий с фотографии подкрашенными глазками, существо странное, но вполне безобидное. Расторопный Эрик ведет также отдел знакомств «Позвони мне, позвони!», известный в кулуарах как «Красный фонарь», хотя фонарь Эрика скорее голубой, чем красный.

У нас в журнале процентов семьдесят крутой рекламы. От кожаной мебели, бижутерии и сотовых телефонов до всяких интимных штучек. Рекламой заведует предприимчивый Боря Гудков. Он же по совместительству – собиратель фольклора, понимай, всяких прикольных историй и анекдотов для рубрики «Давайте посмеемся», которые берутся из жизни, а также из Сети.

Типичная желтая пресса, одним словом. Называется скромно, без претензий: «Елисейские поля». Зато весело. Коллектив молодой, предприимчивый и нахальный, действующий по принципу: дозволено все, что не запрещено. И дядька их Черномор – главный редактор, он же отдел технического контроля, помнящий еще нормы родного языка, которые в старые добрые времена были известны каждому уважающему себя корректору, а сейчас уже – никому.

Читатель может заметить, что на единственном журнале, хотя и вполне гламурном, далеко не уедешь и не прокормишься. Верно, времена сейчас сами знаете какие. А потому мы выпускаем еще несколько негламурных: с кроссвордами, кухней народов мира, путеводителями по городу и окрестностям, а также куда пойти поужинать и развлечься. Словом, хочешь жить – умей вертеться! В умении вертеться нашей шефине Илларию нет равных. Я иногда думаю, почему одним все, а другим совсем мало? Нет, нет, не думайте, я не завидую! Илларию нельзя завидовать, как нельзя завидовать... ну не знаю... «Примавере» или «Моне Лизе»! Илларию... это Илларию!

Десять минут седьмого. Тишина. Самое приятное для работы время.

Я – «девушка с письмом», как называет меня наш главред, тот самый дядька Черномор. Зовут его Йоханн Томасович Аспарагус, причем «Аспарагус» – фамилия, а не кличка. Кличка у него Черномор, как вы уже поняли. Правда, креативный Эрнст Шкиль, который Йоханна терпеть не может, называет его то Артишоком, то Спаржей, то Огурцом или каким-нибудь другим овощем... Да мало ли! Тот не остается в долгу – с его легкой руки коллектив называет визажиста Шкодливый Эрик. Или Эрик Шкодливый, что даже красивее, прилагательное тут звучит как титул: Иоанн Безземельный, Филипп Красивый и Эрик Шкодливый!

Йоханн Томасович – прокуренный и пьющий человек лет шестидесяти с изрядным гаком. Опытный репортер, волк-одиночка, на котором держится вся наша шарашкина контора, давно махнувший рукой на содержание журнала и поддерживающий лишь форму. Тем более ему платят неплохо, что немаловажно.

Зовут меня Лиза Кольцова, и мне нравится моя работа. Самая живая, честная и полезная во всем издательстве. Читательницы пишут – я отвечаю. Пишут в основном про неразделенную любовь. Про счастливую любовь не пишет никто, так что приходится выдумывать самой, чтобы

подбодрить нашу аудиторию. Про счастливую любовь не пишут даже поэты, только брошенные жены и подруги, выплескивая свою боль и слезы чужому человеку из «Уголка писем Катюши». Так называется мой раздел на предпоследней странице журнала. Хотя что значит «чужому»? Я не чужая, я – своя, удобная рыдательная жилетка, а также плечо и локоть, на которые можно опереться в любой момент без перерыва на обед и выходных.

«Дорогая Катюша...» – начинаются письма. Название своему разделу придумала я сама. Сначала он назывался безлико «Ваши письма, наши ответы».

Почему Катюша, а не как-нибудь по-другому – «Уголок Лизы», например? Или Елизаветы. Не знаю. Как-то не звучит... А Катюша радует слух – теплое, доброе имя.

Когда женщина, отвечавшая за рубрику, вышла на пенсию, открылась вакансия. Взяли горяча родственницу психоаналитика Раисы Дуровой – яркую феминистку, неприкаянную холостячку, которая громила «всяких дур» за беспринципность и пошлость.

За короткое время Виктория – так ее звали – затюкала бедного Йоханна до такой степени, что он стал хвататься за сердце при любом подозрительном шуме и носить во внутреннем кармане бесформенного пиджака валидол. Кажется, даже перестал пить. Или продолжал, но гораздо меньше и безо всякого удовольствия. Чувство юмора стало ему изменять, мизантропия крепчала с каждым днем.

В один прекрасный день он пришел к Илларию и сказал: или я, или Виктория. Илларию, сузив глаза, долго рассматривала главреда, представляя себе реакцию неуравновешенной Раисы Дуровой, потом сказала: «Конечно, вы, Йоханн Томасович. Все будет так, как вы хотите».

Психоаналитик Раиса Дурова ворвалась было в кабинет Илларию через голову Нюси, но Успенскую голыми руками не возьмешь: та еще штучка. Она дала Раисе выкричаться, а когда та наконец закончила, сказала ледяным тоном: «Вы забываетесь, Раиса Филимоновна. Прошу вас оставить кабинет, я очень занята». А когда Раиса рыпнулась продолжать, Илларию поднялась и вышла из своего кабинета сама. Она поступила как дама, хотя дамой не является. Илларию актриса и хищница.

«Наш зверинец», – называет редакцию Йоханн. Или «виварий». С изрядной долей нежности, необходимо заметить, так как журнал, как ни крути, его детище. А гадких детей, говорят, крепче любят. Кстати, это он принимал меня на работу. Когда я, совершенно случайно увидев объявление о вакансии на их сайте, пришла наниматься, меня отправили к главреду Аспарагусу. Подивившись необычной фамилии – у меня даже мелькнула мысль, что это кличка, – я отправилась на randevu. Большой и внушительный Йоханн показался мне монументом. Оторвавшись от чтения рукописи и просверлив меня испытующим взглядом, главред предложил мне сесть. Покопавшись в груде бумаг, достал несколько разноцветных конвертов. «Домашнее задание, – сказал он, протягивая мне конверты. – Сделаете и принесете завтра. И запомните, если они пишут сюда, значит, действительно припекло, пожалейте их. В мире совсем не осталось жалости, вы не находите?»

Длинный, тощий, жилистый, до карикатурности стилизованный под прибалта (но, в отличие от соотечественников, как оказалось впоследствии, не флегматичный, а, наоборот, скорый на язык и подвижный), Аспарагус смотрел на меня, склонив голову набок и почесывая желтым от никотина пальцем лохматую бровь. Я, в свою очередь, рассматривала оттопыренные уши редактора, его крупный хрящеватый нос – такие носы принято называть «настоящими мужскими», пронзительные птичьи глаза сизого цвета и мощный лоб мыслителя, увеличенный обширной лысиной, кадыкастую шею, клетчатую, плохо отглаженную рубашку и бордовый галстук с узором из зеленых листьев. В его кабинете стоял застарелый запах табака.

Аспарагус просмотрел мои ответы на письма читательниц раз, другой. Потом долго рассматривал меня, вытягивая губы трубочкой и шевеля ушами. Затем спросил, почему я ушла из библиотеки.

– Я не ушла, – ответила я. – Меня сократили. В городском бюджете нет денег на культуру.

– Пишете?

Я пожала плечами.

– В каком жанре? Любовная лирика небось? Стишата?

– Научная фантастика, – брякнула я. – Пришельцы из космоса.

– Ага, – отозвался он, нисколько не удивившись. – Дадите почитать?

– Да, – ответила я.

– В таком случае идите в бухгалтерию, скажите, пусть вас оформляют в отдел писем.

Вместо Виктории. – Последнюю фразу Йоханн выговорил с особым удовольствием, ухмыльнувшись. – А ведь все равно небось о любви? – вдруг спросил он мне вслед. – Какая же научная фантастика без любви?

Я обернулась от двери и ответила:

– Никакой. Конечно, о любви.

Он только хмыкнул и снова опустил нос в бумаги...

«...и теперь я не знаю, что мне делать, дорогая Катюша. Я все время жду, что он позвонит, ни о чем другом думать не могу. Моя подруга Валя говорит: дура, пошли в бар посидим, пусть он видит, что тебе как бы наплевать. А я думаю, если он меня там увидит, то подумает, что я его забыла, и вообще никогда больше не позвонит. Может, он поймет, что я люблю его, и вернется? Как ты думаешь, Катюша?»

Я вздохнула, отложила письмо. Посмотрела на часы. Половина седьмого. В семь зайвится Йоханн. Покалякать за жизнь, узнать, как я, что новенького, и слегка подремать в потрепанном «дворцовом» кресле в углу комнаты. Около восьми он уйдет к себе – работать, читать, – не материалы для очередного номера, упаси боже, для этого есть рабочий день, а классиков, – и пить в тишине. Возможно, останется ночевать на старом кожаном диване. По слухам, главред был женат три раза, у него четверо детей по всему бывшему СССР и характер одиночки-работоголика. Просто удивительно, как он ухитрился так часто жениться. Скорее всего, не мог устоять под давлением предприимчивых соискательниц, справедливо полагая, что легче уступить, чем сопротивляться.

Йоханн – отличный мужик, разве что ироничен больше, чем хотелось бы. Но он мужик, и этим все сказано. Чувствуется в нем надежность и кондовая основательность, а также старомодность и некие неписанные идеалы прежних поколений. Мне Йоханн напоминает старую мощную корягу, торчашую из земли, которую, кстати, давно пора выкорчевать и выбросить на свалку истории, как считают некоторые – тот же Шкодливый Эрик или звездная Аэлита. Но умная Иллария держит Йоханна в коллективе в качестве противовеса и предохранителя, а также крутого профессионала старой закалки, который знает, как «делать прессу». Или, выражаясь современным языком, обладает ноу-хау.

– Как жизнь, Лизавета? – спрашивает Йоханн, выходя на порог моей комнаты и распространяя вокруг себя удушливый запах табака. Цвет и блеск лысины, а также носа свидетельствуют о том, что главред принял первую вечернюю дозу коньяка и готов расслабиться.

– Хорошо, Йоханн Томасович, – отвечаю. – А как вы?

– Отлично! – говорит он с энтузиазмом. – Вот пройду по редакции, и за работу. Что пишут?

– Пишут о любви в основном.

– Ясен пень. А вот интересно, Лизавета, мужчины тоже едят или страдает один только прекрасный пол?

– Едят, но редко.

– Интересно, о чем?

– Один человек спросил, почему любят только красивых и с деньгами.

– И что вы ответили? – заинтересовался Йоханн.

– Я ответила, что он не прав и любят всяких.

– А вы не сообщили ему, что у всякого человека есть его половинка и надо только найти?

И дожидаться.

– Именно это я ему и сообщила.

– Да... – вздыхает Йоханн. – Инерция мыслительного процесса. Хотя, с другой стороны, на всех пишущих свежих мыслях не напасешься. Как продвигается роман о пришельцах?

– Хорошо. Да вы садитесь, Йоханн Томасович, – спохватываюсь я. – Пожалуйста.

Он усаживается в «свое» кресло в углу, вытягивает длинные ноги, слегка распускает узел галстука, бормоча при этом «с вашего позволения». Достает плоскую походную фляжку черного серебра, отвинчивает крышечку, похожую на наперсток, и наливает в нее коньяк. Смотрит на меня взглядом человека, довольного жизнью. Произносит:

– Ваше здоровье, Лизавета! – и опрокидывает наперсток. Закрывает глаза, прислушиваясь к ощущениям. – Да, так что там с пришельцами? – благодушно спрашивает он через минуту, открывая затуманенные глаза.

– С ними все в порядке. Летят на Землю.

– Послушайте, Лизавета... – перебивает он меня. – Вы красивая женщина (я хмыкаю), умная, с чувством юмора... истинным, глубинным. У вас прекрасные волосы... Вы сокровище, Лизавета, вы сами не знаете, какое вы чудо! Я завидую вашему мужчине. Честное слово!

– Спасибо, Йоханн Томасович, – отвечаю я скромно. Это у нас такая игра. Ритуал, дружеский треп после рабочего дня. Он вроде как приволакивается за мной, я вроде кокетничаю в ответ и не очень верю. Он настаивает, я продолжаю кокетничать, и так далее. Беда в том, что я... неопасна. Я умна, у меня есть чувство юмора, я все понимаю правильно. Я свой парень. Шефиня Иллариия, например, хищная женщина. Заместитель Йоханна Аэлита – глупая. Йоханн называет Аэлиту генетической ошибкой. Секретарша Иллариия Нюся – вредная баба. Регина Чумарова, наша законодательница мод, вздорная дама. Я же – свой парень. Парень!

– Выходите за меня, Лизавета! – говорит вдруг Йоханн.

Я возряжусь на него – так далеко мой начальник еще не заходил. Он смотрит на меня вполне трезво и настороженно. И впрямь не шутит.

– Я подумаю, – отвечаю осторожно.

– Только имейте в виду, – предупреждает он, – я продолжаю пить и курить. Пил, пью и пить буду. И курить. Никаких дамских штучек насчет бросить, понятно?

Я вздыхаю с облегчением – шутит. И говорю:

– Тогда даже не знаю, Йоханн Томасович... Точно не бросите?

– И не надейтесь! – отвечает он твердо, мотая в воздухе указательным пальцем. – Не брошу.

Мы треплемся в таком духе до восьми. Ровно в восемь Йоханн удаляется, поцеловав мне руку на прощанье. Я берусь за очередное письмо, стараясь не смотреть на телефон, хотя крохотные молоточки внутри головы деловито стучат, отсчитывая время.

Восемь пятнадцать. Никак не могу сосредоточиться. Читаю письма по второму кругу.

«Дорогая Катюша, а что бы ты сделала на моем месте?» Что бы я сделала на ее месте? Я не знаю, что делать на своем. Но бодро отстукиваю ответ: «Дорогая Лена, я внимательно прочитала твое письмо. Я понимаю твою обиду, но... поверь мне, ничего страшного не про-

изошло. Твой парень совершил ошибку, с кем не бывает. Прояви великодушие и прости его. Только слабые не прощают...»

Резкий звонок телефона застаёт меня врасплох, и я вздрагиваю. Бросаю взгляд на часы – половина девятого. Ровно. Помедлив секунду, беру трубку. «Лиза, Элизабет, Бетси и Бесс...» – говорит знакомый мужской голос, и слова эти звучат как пароль. Голос низкий, тёплый, ласковый, как у... был когда-то такой американский певец – Пэт Бун, гудел-мурлыкал басом свои песенки, и мурашки точно так же бежали у слушательниц вдоль позвоночника...

– Да, – бормочу я в трубку внезапно осевшим голосом. – Да...

Глава 2

Возвращение

Павел Максимов позвонил в знакомую дверь. Ничего не изменилось за долгих восемь лет – так же глухо тренькнуло в глубине квартиры, только вместо легких быстрых шагов Оли раздались шаркающие, тяжелые и незнакомые. Некоторое время его изучали через глазок, потом дверь распахнулась. Постаревший и какой-то облезлый Юра стоял на пороге, всматриваясь близорукими глазами в гостя. Круглый животик, плешь на макушке, затрапезная линялая рубашка с расстегнутым воротом и замызганные тапочки на босу ногу. Юра никогда не считался красавцем, он был нормальным, в меру жизнерадостным мужиком, с которым Павел не слишком дружил – поддерживал отношения по-родственному, не более. Сейчас же перед ним стоял угасший человек, изрядно потрепанный жизнью.

– Привет, Павлик, – произнес Юра и посторонился, пропуская его. – А мы уже заждались.

Он пошел следом за гостем, не зная, что еще сказать. Павел по старой памяти свернул на кухню. Сестра Маша повернулась от плиты – постаревшая, с тощей жилистой шеей, подпоясанная кухонным полотенцем. Шагнула ему навстречу, обняла, прижалась головой к груди. Шмыгнула носом и вдруг заголосила дурным голосом: «Павлик, братик! Вернулся!» За столом сидел ребенок – мальчик, которого он помнил совсем крохой, – и во все глаза смотрел на гостя. Племянник.

– Ну, будет, Маша, – неловко произнес Павел. – Все, все... – он похлопывал ее ладонью по спине, а она, скривив лицо, плакала. Юра беспомощно топтался рядом.

– Давайте за стол, – Маша, наконец, оторвалась от него, вытерла слезы полотенцем. – Садись, Павлик. Юра!

– Да, Машенька, – отозвался тот, вскидываясь.

– Доставай, в холодильнике!

Юра вытащил из холодильника бутылку водки.

– Сели! – скомандовала Маша. – Открывай!

Выпили.

– Лешенька, это твой дядя Павлик, – обратилась Маша к мальчику. – Он работал на Севере...

Мальчик украдкой разглядывал дядю, и Павел почувствовал досаду – не догадался купить подарок. И дурацкое упоминание о работе на Севере... О том, что он сидел за убийство жены, знали все. Весь дом. Да что там дом – весь город!

И квартира эта была его. Когда-то, восемь лет назад, Маша написала ему в колонию, попросилась пожить у него, времена, мол, тяжелые, а там нужно топить, дров не напасешься, ребенок маленький... Там – это в Посадовке, где у них дом, родительский еще. Забытый богом частный сектор с раздолбанным асфальтом, небогатым продуктовым магазином, парой скудных лавок и мерзостью запустения повсюду был известен в народе как Паскудовка. В свое время, женившись, Павел переехал в город, где купил квартиру. Дела у него шли хорошо, деньги водились. А сестра осталась полновластной хозяйкой посадовского дома, чему была очень рада. Мама прибалывала и ни во что не вмешивалась. Отец целые дни проводил в саду под яблоней, играл в шахматы сам с собой. А зимой жил в кабинете.

Юра сидел, опустив глаза в тарелку, явно испытывая неловкость. Хотя обстоятельства так скрутили его, что он давно уже плюнул на все и тащился по жизни как придется. В свое время он был главным инженером инструментального завода, недолго правда, меньше года. Считалось, у него есть будущее. И женился он по любви – на лаборанточке Машеньке, тоненькой, светлой, нежной. Много воды утекло с тех пор. Комбинат по частям продали. Ему места

нигде не нашлось – не хватило ни ловкости, ни нахальства. Машенька превратилась в вечно недовольную, рано постаревшую бабу, хотя какие их годы! Жизнь худо-бедно наладилась – не голодают, машина есть, Маше недавно шубу купили из нутрии. Не миллионеры, конечно. Не получился из него бизнесмен, не всем дано. Но Маша этого не понимает, тормозит и пилит: ты мужчина – значит, должен обеспечить, достать, принести в дом, посмотри, как живут другие. Слава богу, по старой памяти устроил его один человек в госструктуру – антимонопольный комитет. Так, никем, мелкой сошкой. И зарплата, как у всякого бюджетника, не разгонишься, на казино не хватает, и на Испанию тоже... Зато дача есть! То есть родительский дом. По вечерам Юра до упора сидит на диване, тупо уставившись на экран телевизора, смотрит всякие ток-шоу, пропуская мимо ушей наставления Маши. Или лежит. Иногда засыпает с раскрытой книжкой на груди. Каким-нибудь крутым детективом, где много крови и драк. Чувство отчаяния, охватывавшее его раньше, отпустило – человек ко всему привыкает. И не всякий «человек» звучит гордо. Иной звучит слабо или просто молчит. Не всем дано, считает Юра. Вернее, раньше считал. Пока не махнул рукой на все, и на себя в том числе.

– Братик мой дорогой, – кривит рот Маша, собираясь заплакать, а глаза настороженные. Ожидая возвращения Павла, она вся извелась – что же будет с квартирой? После жизни в городе ей не хотелось возвращаться в Паскудовку. Никак. И школа рядом...

Она измучила Юру всевозможными сценариями того, как нужно действовать и что говорить. Ты мужчина, внушала она мужу, поговори с Павлом. Объясни ему, что мы привыкли здесь, Лешенькина школа рядом. Мы, наконец, платили за квартиру и ремонт сделали за свой счет, пусть будет благодарен! Ему все равно, он один. Ему же лучше, если соседи вообще не будут знать, что он вернулся. Она договорилась до того, что вдруг выпалила про какое-то письмо, якобы написанное в полицию соседями дома – не хотят они, мол, жить рядом с убийцей. По тому, как внезапно она замолчала, Юра понял, что мысль о письме пришла ей в голову прямо сейчас, на ходу, и она сама слегка испугалась и застыдилась. Он смотрел на бледное лицо жены, еще миловидное, с каким-то тоскливо-голодным выражением и вечной жалобой в глазах: мало, мало, дайте еще, вон у других... вон у других все есть! Манера жаловаться и прибедняться, прятать куски на черный день по всяким тайным углам, покупать впрок то десять пар колготок, то полсотни пар мужских носков, то постельного белья на целую армию, то стирального порошка. Все в норку, все упрятать, все под замок. Поспать можно пока и на старых простынях, а носки заштопать. Не велик барин. Юра прочитал в одной книге, что это называется комплекс нищеты и не зависит от человека. Машу можно понять, они пережили несколько тяжелых лет, пока он был без работы, а тут ребенок подрастает, нужны соки, детское питание, бананы. Ее можно понять, но с души воротит. Так жизнь проходит в набивании защечных мешков...

– Павел твой брат, – ответил он тогда, – сама с ним и говори. Мне все равно, где жить. Могу и в Посадовке, там хоть воздух свежий.

Ну и получил в итоге по первое число. Маша вспомнила все его грехи за долгую супружескую жизнь. И неумение заводить связи, и неповоротливость, и лень, и ремонт, который всегда на ней. Юре врезалось в память: ремонт всегда на ней. А хотелось праздника на двоих.

– Павлуша, – заискивающе начала Маша, – а что ты собираешься делать? У нас тут безумно трудно с работой... Ужас, что делается. Как ты думаешь дальше-то жить?

Павел пожал плечами. Больше всего ему хотелось убраться прочь. Он устал с дороги, нездоровое лицо сестры напрягало. Юра тоже квелый какой-то, безрадостный.

– А давайте еще по одной! – вдруг вмешался Юра, у которого от подходов Маши, шитых белыми нитками, начали ныть зубы.

– Наливай, – разрешила Маша, подставляя свою рюмку.

Они снова выпили. Юра от выпитого стал словно меньше ростом. Разговор буксовал. Маше страшно хотелось взять быка за рога, но она побаивалась брата – всем известно, какими оттуда выходят. Вдруг припадочный стал, буйный... и вообще, ведь убил! Убил же! Сын сонно тарашил глаза, и Маша сказала наконец:

– Ну, вы, мальчики, тут поговорите, а я пойду Лешку уложу. Леш, скажи дяде Павлику спокойной ночи. – Она выразительно посмотрела на мужа, но он сделал вид, что не заметил ее взгляда.

– Павел, я рад, что ты вернулся! – Юра впервые посмотрел шурина в глаза. – Честное слово. Ты не думай, мы неплохо живем, у меня есть работа. Маша выучилась на закройщицу, устроилась на хорошее место. – Он положил руку на плечо Павла, сжал слегка. Тут же испугался своего порыва и убрал руку. – Знаешь, я как-то друзей старых подрастерял. А новых не завел. Некоторые пошли в гору, говорили, заходи, старик, конечно, поможем, не вопрос, но ведь никто не помог... – Он потянулся за бутылкой. – Случайный человек помог. Знаешь, чувствуешь себя таким ничтожеством, ничего... ничего не можешь сделать. Тонешь, а выкарабкаться не в состоянии! Страшно... – Он говорил о себе, вспоминая, как обивал пороги, ходил на биржу, звонил по объявлениям, но получилось вроде как про Павла. Юра понял и смутился. – Давай! – Он поднял рюмку. – За возвращение! За новую жизнь!

Они выпили. Юра положил Павлу на тарелку вареной картошки, копченой рыбы, салат. Ему хотелось спросить о чем-то, он бросал на брата жены короткие взгляды. Наконец решился:

– Павлик, как... там было? Ты почти ничего не писал.

Павел пожал плечами:

– Ничего. Сначала... – он задумался на миг, – сначала непривычно. Потом привык. Такая же работа, как и раньше, механиком.

– Понятно, – пробормотал Юра. У него были еще вопросы, но задать их он так и не посмел. – Слушай, тут твой дружок звонил, с которым вы бизнес крутили, спрашивал про тебя, – вспомнил он. – Андрей.

– Когда?

– Недели две назад. Ты бы к нему зашел, может, с работой поможет...

– Зайду, – ответил Павел. – Конечно, зайду.

Больше говорить им было не о чем. В свое время дружбы между ними не получилось. Они и виделись-то нечасто. Юра знал, что Маша просила брата помочь ему с работой, устроить к себе на фирму, но Павел то ли не смог, то ли не захотел. Люди стали неохотно помогать друг другу.

Позже, когда Павла уже не было и они жили в городе, он иногда убегал на время в Посадовку, чтобы передохнуть, но Маша под предлогом заботы доставала его и там – приносила еду и чистые носки. А Юре от ее скорбно поджатых губ становилось еще хуже. В итоге он возвращался домой.

Павел сидел, глубоко задумавшись, уставившись тяжелым взглядом в тарелку. После водки ему захотелось спать. Юра тоже молчал, не зная, что сказать. Голос Маши долетал из комнаты мальчика. Кажется, она читала ему.

– Юра, – произнес вдруг Павел, и тот встрепенулся. – Пойду я, наверное. Вы не против, если я поживу в доме?

Юра побагровел. Ему показалось, что Павел прочитал его мысли – он все прикидывал, как бы сказать ему... или дать понять насчет дома...

– Поживи, конечно, – поспешно ответил он, испытывая страшное облегчение. – А можешь и здесь... Как хочешь. Это же твоя квартира, – добавил великодушно и покосился на дверь.

– Я думаю, лучше пока там, – ответил Павел, понимая Юру и сочувствуя. Он никогда его не интересовал – у него, Павла, была своя жизнь. Прекрасная работа, деньги, поездки за рубеж

– жизнь сильного, удачливого человека. У него была Оля. И все это кончилось однажды... к сожалению. Он не задумывался, где будет жить, но сейчас остро осознал, что здесь, в этой квартире, где они обитали вдвоем с Олей, он не сможет. Он помнил, как она бежала открывать ему дверь, помнил ее легкие шаги... Помнил, как она бросалась ему на шею... Все здесь напоминало ему о жене.

– Мы отвезли туда твои вещи, – заторопился Юра. – Книги, лыжи, одежду. А компьютер Лешке отдали. Подумали, ты себе новый купишь, зачем тебе старье? Сейчас Маша придет, все расскажет.

– Я пойду, пожалуй. Устал. Давай ключ.

– Сейчас, – ответил Юра. – Там и газ есть, и свет. И... – заколебался он, пряча глаза. – Я даже телефон подключил. Недавно.

– Отлично, – ответил Павел, желая лишь одного – распрощаться поскорее.

– Ты, Павлик... – начал Юра, оглядываясь на дверь и понижая голос. – Там это... там кое-какие мои вещи.

Павел кивнул.

– Ты не говори Маше – наконец, выдал из себя Юра. – Не нужно, чтобы она знала, лады? Я иногда бывал там... даже ночевал, когда она лежала с Лешкой в больнице....

Павел с внезапным интересом взглянул на него: неужели женщину приводил?

Юра между тем уже рылся в ящике буфета в поисках ключа. У него был свой, но он не спешил его отдавать. Искал запасной для Павла. Нашел наконец, протянул.

– Спасибо. – Павел сунул ключ в карман и поднялся.

– Подожди, – Юра тоже вскочил. – Я сейчас Машу... Подожди!

– Не нужно, – ответил Павел.

– Подожди, она положит тебе продукты! – Он выбежал из кухни и через пару минут вернулся с Машей. Сестра сияла из-за услышанной новости.

– Павлик, куда же ты? – фальшиво суежилась она. – А чай? Я пирог испекла.

– Спасибо, Машенька, – ответил Павел. – Пойду я. Поздно.

– Ты хоть дорогу помнишь? – Маша, улыбаясь, смотрела на него, давала понять, что шутит. – Тут рядом остановка автобуса, Юра проводит. Я тебе сейчас поесть соберу. Там же ничего нет. Положишь в холодильник, а завтра разогреешь. Там и магазин есть, и кафе, даже бар. И новые дома строятся. Наш дом хотели купить, но мы тебя ждали. Цены растут, ужас просто! Вообще там хорошо, свежий воздух, зелень, деревья. Я приеду в воскресенье, приберусь. – Она говорила возбужденно, радуясь, что все так безболезненно разрешилось. Накладывала салаты в баночки, колбасу и сыр в пластиковые коробочки. Заворачивала в салфетку пирог. Поколебавшись, сунула жестянку чая.

– Хватит, Маша, – сказал Павел. – Куда мне столько?

Она выпрямилась, посмотрела на брата и вдруг заплакала.

– Прости меня, Павлик, – всхлипывала она. – Какая жизнь жестокая... Как все получилось... Но ты не думай, мы с тобой. Мы всегда с тобой. Ты мой старший братик, любимый, помнишь, как мы в детстве... ты всегда меня защищал...

Юра стоял, опустив голову. Павел шарил в карманах – не помнил, куда сунул ключ. Маша шмыгала носом, вытирала слезы и смотрела на него сияющими глазами. Ушли куда-то мелкие расчеты, опасения, досада. Она словно сейчас только поняла, что вернулся ее брат, единственный, которым она так гордилась и которого очень любила, умница, сильный, удачливый. А ведь как его подкосило, куда все ушло – постарел, почернел, взгляд жесткий, седина на висках. И эта одежда – дешевый пиджак, грубая кожаная куртка, грубые ботинки. Ей стало жалко брата, и впервые она подумала о том, что он пережил там...

Наконец сцена прощания завершилась. Павел прижал к себе сестру, пробормотал что-то о подарке для Лешки, который за ним, и они с Юрой вышли.

– Недолго, – по привычке приказала Маша вслед мужу и тут же добавила, смутившись: – Посадишь Павлика на автобус, он же ничего тут не знает. А я приеду в воскресенье, помою окна, приберусь. Мы все приедем. Надо рассаду купить, помидоры, огурцы. Устроим субботник.

Мужчины вышли на улицу. Ночь стояла тихая, прозрачная, полная запахов молодой зелени и мокрого асфальта. Недавно прошел легкий дождь, воздух был сладкий, и дышалось удивительно легко. Юра закурил, предложил сигарету Павлу. Стояли, дымили вместе.

– Ты знаешь, – сказал вдруг Юра, – я иногда думаю, что... – Он запнулся, не умея выразить словами то, что чувствует. – Я думаю... Жизнь продолжается, одним словом. И особенно понимаешь это... в такую ночь. Весна... просто душу переворачивает! – Он прерывисто вздохнул. – А мы сидим перед ящиком, смотрим до одурения! Или лежим. Господи, что мы смотрим! О чем говорим!

Павел кивнул неопределенно. Было уже около двенадцати. Свет фонарей отражался в мокром асфальте. Дождь и ночь разогнали людей, улица была пуста.

– Автобус редко ходит, – сказал Юра, словно оправдываясь. – Поздно уже.

– Ты иди, Маша беспокоится. – Павлу хотелось остаться одному. – Я доберусь.

– Знаешь, я бы тоже махнул с тобой... – сказал Юра с тоской. – Там хорошо сейчас, трава... Скоро яблони зацветут, сирень. А потом черемуха. Там всегда хорошо, даже зимой. Я как-то надумал построить камин, но Маша не захотела. Веранда... Тишина вокруг... Звезды. Сидишь, думаешь... На полу кружка крепкого чая... Синяя...

Павел взглянул на него – что это с ним? Лицо Юры было печально-сосредоточенным.

– Поехали со мной, – предложил он, смутно чувствуя, что тому хочется услышать именно это.

– Я бы... запросто! – оживился Юра. – Хоть сейчас. Послушай, а ты не мог бы сказать Маше, что я тебе вроде как нужен там... ну, привести все в порядок, а?

Павел не успел ответить, и Юра ответил себе сам:

– Она не разрешит. Говорит, что всегда беспокоится, когда меня долго нет. Ладно, мы приедем в воскресенье. Да, Маша не знает, что я туда ездил... иногда. Не говори ей.

– Я понял, не скажу. Ты бы шел уже, первый час.

– Да-да, иду, – заторопился Юра, но все топтался рядом, не уходил.

– Я пойду, – сказал наконец Павел. – Тачку буду ловить по дороге.

Они пожали друг другу руки, и Юра с сожалением ушел. Нежелание возвращаться домой читалось в его сутулой спине, медленной походке, в том, как он остановился и снова закурил, оглянувшись на Павла, махнул рукой.

Через пару кварталов Максимов тормознул частника. Тот, услышав, куда ехать, стал отказываться, но Павел сказал, что ему только до центра, где магазин, а дальше он доберется сам. Шофер подозрительно смотрел на высокого худого мужчину в дешевой одежде, с дешевым чемоданом, нутром угадывая в нем человека оттуда.

– Послушай, начальник, – сказал Павел, – я там живу. Последний автобус ушел, остаюсь на улице. Скажи, сколько, заплачу вдвое...

Маша еще хлопотала в кухне – мыла посуду, убирала со стола. Напевала что-то. Давно не видел Юра жену в таком хорошем настроении.

– Бедный Павлик, – сказала она, завидев мужа на пороге. – Изменился, просто не узнать... Помнишь, какой он был? Орел!

Юра не ответил, только дернул плечом. Стоял на пороге, смотрел на сияющую Машу. Уютная кухня. Пестрые занавесочки на окне, салфеточки, полотенца – все в кричаще желто-красных тонах. Даже коврик на полу – желто-красный с зеленым. Керамические жбаны, пле-

тенные тусски, календарь с котами и щенками на стене. Чистота и блеск. Маша была отменной хозяйкой. Юра смотрел на нее пустыми глазами и представлял, как Павел открывает калитку, входит во двор. Тишина вокруг, звезды. Деревья «звучат». Не пошумливают, как при ветре, а именно «звучат», издавая верхушками неясное глухое гудение. И звезды... Хотя нет, какие звезды. Дождь был. Облака. Все равно хорошо! Павел поднимается по скрипучим ступеням на веранду, достает из кармана ключ. Прodelывает то же самое, что и он, Юра, в редкие свои набеги туда, на «Остров свободы», как он окрестил Посадовку, не принимая и не соглашаясь с ее кличкой, придуманной теми, кто хотел вырваться в город...

– Ты знаешь, – сказала Маша озабоченно, – лишь бы он пить не начал. Или еще чего...

Глава 3

Иллария

В уютном уголке ресторана «Прадо» сидели двое. Солидный представительный мужчина и поразительно красивая женщина. Девушка-цветочница предложила им розы, но мужчина сделал короткий жест рукой – не нужно. Встреча была деловая, лирика неуместна.

Женщину звали Иллария Успенская. Мужчину – Вениамин Сырников, или Дядя Бен, так его называли еще в школе за солидность не по возрасту. Встреча действительно была деловая. Адвокат Сырников пригласил на беседу без любопытных глаз и ушей владелицу «Елисейских полей». Название журнала претило ему своей претенциозностью, он любил простоту и ясность и был чужд всяческого «выпендрежа». Но если бы его попросили придумать другое название, он бы озадачился, так как не был творческой натурой. Вениамин даже посоветовал Илларии «сменить вывеску», на что она ответила, что сама прекрасно знает, что нужно читателям. Вернее, читательницам. «Так что извини. Ты занимаешься своим делом, я – своим, – заявила Иллария. – Идем параллельными курсами, так сказать».

Вениамин Сырников был хорошим адвокатом, несмотря на некоторую мрачность характера, недоверчивость и общий пессимизм.

Иллария улыбалась. Чуть-чуть – чтобы выразить свое отношение к словам Дяди Бена. Улыбка была высокомерной и кривоватой. А в глазах читалось: ну и трус же ты, братец!

– Ты не понимаешь, что твои игры опасны и могут плохо закончиться, – говорил Вениамин, серьезно глядя на Илларию. – Сейчас такие дела не сходят с рук. На нас снова подают в суд. Твоя приятельница, кстати, так и сделала. За фотографии из светской хроники. Я против этой рубрики вообще. Какая светская хроника? Какой высший свет? Я тебе говорил, предупреждал. Муж с ней разводится, и она считает, что в этом виноват журнал. Твой жулик-фотограф – известный мастер подтасовки. Она утверждает, что была вдвоем с приятельницей, а мужчина просто стоял рядом, а получилось, что они чуть ли не обнимаются на глазах у публики. Фотографии печатают с согласия действующих лиц, я же настаивал, я тебе сразу сказал...

– Веня, успокойся, – перебила его Иллария. – Эта дура была у меня сегодня утром, я в курсе. Бездельница и шлюха. И мужик с фотографии – ее любовник, данные из надежного источника. Ты же меня знаешь, Веня, не первый год вместе.

– Она была у тебя? И ты молчала? – Он возмущенно воззрился на Илларию.

– Не успела рассказать. Она забирает свое заявление, к нам никаких претензий. Так что можешь расслабиться, Веня. Жизнь продолжается.

– Но как же так? Я же встречался вчера с ее адвокатом! Он был настроен идти до конца.

– Вчера был настроен, сегодня передумал. Вернее, клиентка передумала. Я убедила ее передумать.

– Каким образом?

– Ну, всякие есть способы... – протянула Иллария, ее кривая улыбка стала жесткой, глаза сузились.

– И все-таки? – настаивал он.

– Адвокату как духовнику, да? – спросила Иллария, поддразнивая Вениамина. – Мы поговорили по-женски, тебе необязательно знать детали.

– И она согласилась? – Он, зная Илларию, чуял запах жареного.

– Не сразу. Она пришла сказать мне, что я поступила непорядочно, что в нашем кругу приличные женщины так себя не ведут... и, вообще, я – сука, которую она считала своей близкой подругой. Сука! Представляешь? Не выдержала, вышла из роли, аристократка. Ну, я ей и рассказала... кто есть кто. Ну-ну, Веня, не расстраивайся ты так, – сказала Иллария, увидев

опрокинутое лицо внимавшего ей адвоката. – Все было в цивилизованных рамках, как принято между приличными женщинами. Ты ведь веришь, что я приличная женщина? И глубоко порядочная? Веришь, Веня? – Она с насмешкой смотрела на него.

– Ты стерва, Иллария, – ответил тот честно. – Я все время задаю себе вопрос, какого черта я путаюсь с тобой? От твоего бизнеса за версту несет криминалом. Ты – приличная женщина? Нет, Иллария, ты неприличная женщина. И жестокая. Тебе уничтожить человека ничего не стоит. Смотри, нарвешься на своего, как говорила моя бабка. И папарацци твой – убийца! Скользкий, сомнительный тип.

– Может, ты влюблен в меня? – спросила Иллария хладнокровно.

– Если бы! – ответил он, не удивившись. – Тогда можно было хотя бы понять. Так что же ты ей сказала?

– Я ей рассказала, что будет, если она не передумает. Она от огорчения бросила в меня сумкой. Настоящим Луи Вюиттоном. Но потом согласилась, что была неправа. И взяла свои слова обратно, и мы снова дружим.

– Знаешь, Иллария, чем больше я наблюдаю за тобой, тем чаще задаю себе вопрос: зачем тебе это нужно? Это грязь, неужели ты не понимаешь?

– Веня, это бизнес, а не грязь. Как сказал один неглупый политик: правильная политика – это грязная политика, равно как и секс. Или бизнес. Эта дрянь, моя подруга, с позволения сказать, ни дня в жизни не работала, путалась с кем попало, удачно вышла замуж. Ленивое, жадное, развратное животное! Неужели ты считаешь, что я должна ее жалеть, если я могу заработать на ней? Я – рабочая лошадь, которая вкалывает днем и ночью, чтобы заработать себе на... сено. Или ты считаешь, что мне все легко достается?

– У тебя нет недостатка в поклонниках, – заметил адвокат. – И замуж зовут, уверен.

– Если бы я была похожа на мою подругу, я бы выскочила замуж... за кого угодно! Хоть за тебя!

– Упаси господи! – искренне отозвался Сырников.

– Да стоит мне только захотеть, Веня, и ты у меня здесь! – Иллария протянула к его носу сжатый кулак. – Понятно?

– Понятно, – вздохнул он. – О каких деньгах речь? Что ты на ней заработала?

– Я? На ней? – ненатурально удивилась Иллария. – Ничего, фигура речи такая. Имеется в виду, в принципе заработала. – Она, откровенно забавляясь, смотрела на Вениамина. – Напечатал снимок... Причем самый приличный. Один из многих.

– Значит, были и другие? И ты... ты... Все! Я ничего не слышал и ничего не хочу больше знать. Еще вина?

– Ты как девочка, Веня, нежный и трепетный. Достаточно, спасибо. За твое здоровье. И за наш союз. И вообще, за все хорошее! – Иллария легко коснулась бокала Вениамина краем своего – раздался тихий мелодичный звук. – Да брось ты, Веня, сам же спросил! – сказала она через минуту, глядя на хмурое лицо адвоката. – Не надо спрашивать, если боишься ответов. Говорят – тот, кто подглядывает в замочную скважину, рискует увидеть дьявола. Народная мудрость.

– Это ты увидишь дьявола когда-нибудь, – пробурчал Сырников. – Смотри, Иллария, я предупредил.

– Вот когда увижу, тогда и начнется настоящая работа. Для тебя тоже, кстати. Мы ведь в одной связке, не забыл?

Несмотря на расстроенный вид, Вениамин с удовольствием налегал на тушенное в красном вине с овощами мясо, которым славилась кухня «Прадо». Ужин оплачивала редакция, что особенно приятно – Сырников был скуповат. Дело, которое его беспокоило в последние дни, худо-бедно разрешилось, хотя и не так, как он предполагал. Услышанное от Илларии не очень

поразило его – он догадывался о «подпольном» бизнесе своей работодательницы. Но одно дело догадываться, другое – знать наверняка. То, что делает Иллария, называется попросту шантаж. Вульгарный, низменный шантаж, причем практически безопасный, так как жертвы – женщины, которым есть что терять. При разумных расценках – это беспроегранный вариант. И схема беспроегранный: никто никого ни к чему не принуждает, жертва прибегает сама. В журнале печатается фотография... ну, скажем, сомнительного свойства, но вполне пристойная. А когда возмущенная фигурантка приходит выяснять отношения, ей показывают остальные. Подлый папарацци Сеня – мастер своего дела. Мужчина мог бы разобраться с Илларией, избить, даже убить, но женщины предпочитают платить. Успенская... Ну, хищница!

Вениамин искоса взглянул на свою спутницу. Она красиво ела – изящно резала мясо, изящно жевала. И уже в который раз Вениамин подумал: до чего же хороша, чертовка, глаз не отвести! Тонкие черты лица, голубые глаза, светлые выющиеся волосы – ангел во плоти. Ангел с червоточинкой. Ангел с сапфирами в нежных ушах. Сапфиры не синие, каких много, а светлые, серо-голубые, холодные – такие же, как и глаза Илларины. Пантера Иллария. Голубоглазая пантера Иллария.

Глядя на нее, Сырников всегда вспоминал любимое присловье деда-юриста. «Запомни, Венька, – говорил дед, – все выдающиеся дьяволы были родом из падших ангелов...»

...Как ни странно, Иллария была гадким утенком в детстве. Длинная, тощая, плохо одетая девочка в очках с толстыми линзами. Отца она не знала, мать разрывалась на трех работах, да еще и домой кое-что приносила. Детство ее проходило под клацанье пишущей машинки. Иллария просыпалась под него, под него и засыпала.

Она любила маму. Любила, жалела и презирала, в чем не признавалась даже себе самой. Когда она вернулась из столицы, привезя ей в подарок норковую шубу, та не обрадовалась, а испугалась. Гладила шелковистый мех некрасивой рукой с разбитыми пальцами, а потом заплакала. Иллария прижала мать к себе, умирая от жалости. Она купила новую квартиру, в которую мать переехала неохотно. Ей не доставало старых соседей после тридцати лет жизни в доме на Вокзальной, в однокомнатной квартире. Она не решалась приглашать к себе старых подружек – ей было стыдно за шикарный район. Важного консьержа-генерала, восседавшего в фойе, она побаивалась; дорогой обстановки стеснялась. Иллария всегда была занята, звонила часто, а приезжала домой редко – по молодости лет ей казалось, что мама должна быть счастлива в золотой клетке, а та медленно угасала, не смея пожаловаться.

Люди, как давно поняла Иллария, делятся на две разновидности: те, кто берет, и те, кто дает. Берущие и дающие – и все! В эти две категории человеческой природы умещаются все жизненные аспекты и коллизии. Мать была из тех, кто дает. Она, Иллария, – из тех, кто берет.

Иллария закончила Литературный институт, куда поступила без протекции, что было удивительно само по себе и говорило о том, что она личность незаурядная. Экзамены сдала блестяще. Жадные глаза ее были широко раскрыты, она впитывала столицу всеми фибрами души. И вскоре из гадкого утенка превратилась в лебедя, что потребовало известной работы над собой. Она сменила очки на линзы, научилась шить, копируя фасоны из журналов мод. Изменила походку, манеру говорить, научилась смотреть в глаза собеседнику, изживая в себе робость и неуверенность. Прodelывала все то, что прodelывает гадкий утенок с характером, давший себе слово превратиться в лебедя.

После окончания института Иллария два года работала репортером «желтоватых» изданий. Затем занялась серьезно английским и испанским, переводила дамские романы, в чем весьма преуспела. Недолго, правда, так как ее живая и предприимчивая натура требовала динамики. Журналистика и переводы оказались удачным сочетанием. Постепенно она нащупала жизненную схему, которая требовала известной смелости и умения рисковать, но давала неплохой заработок. Схема была проста и проверена поколениями других женщин, умело использовавших мужские тщеславие, падкость на лесть и постоянную готовность приволок-

нуться за красивой самкой. Она знакомилась с богатыми мужчинами, известными публичными фигурами, под предлогом написать о них, восхищалась их... чем угодно – умением жить и делать деньги, автомобилем, загородным домом-замком, а потом история взаимоотношений катилась по отработанному сценарию. С ее внешностью, хваткой, охотничьим инстинктом и жесткостью она нашла свое место под солнцем. После одной неприятной истории ей пришлось удариться в бега. Она вернулась домой, как охотник из поэмы Киплинга. Или моряк. Вернулась вовремя, чтобы провести с матерью ее последние месяцы.

Похоронив ее, Иллария оглянулась по сторонам в поисках достойного занятия, которое смогло бы обеспечить ей привычный уровень жизни. Изучив местные возможности, по недолгом раздумии она решила заняться тем, что неплохо знала, – журналистикой, но уже в качестве хозяйки издания. Она без труда очаровала местную знаменитость – бизнесмена Речицкого, бретера и ловеласа, готового броситься в огонь и воду за каждой юбкой, что было в известной степени позой: этот человек никогда не терял головы. «Раскрутила» на партнерство. Вдвоем они родили «Елисейские поля» – первый иллюстрированный светский журнал, которого городу остро не хватало. Спустя полтора года Иллария выкупила свою долю – крутой мэн Речицкий ни в чем не мог ей отказать. Поговаривали, что они не сегодня завтра поженятся, как только он разведется со своей опостылевшей половиной...

– Как Кира? – спросила вдруг Иллария.

Вениамин даже поперхнулся, услышав имя жены. Она проела ему плешь, требуя, чтобы он поговорил с Илларией – славы ей, видите ли, захотелось. Фотографий своих захотелось, успеха, известности. Кира считала, что, поскольку из-за брака с ним не состоялась ее карьера великой балерины, то муж задолжал ей по гроб жизни. И снимки в журнале Илларии – не самая дорогая плата за полученное удовольствие.

– Хорошо, спасибо, – отозвался он. Взглянул испытующе на Илларию, прикидывая, сказать ли о просьбе Киры. Потом решил, что не следует смешивать личное и бизнес. А кроме того, нечего баловать жену. Не заслужила!

Его семейную жизнь с Кирой нельзя было назвать удачной, они даже собирались разводиться пару раз, но потом помирились.

– Твоя жена красивая женщина, – заметила Иллария.

– Красивая, – согласился сдержанно Вениамин.

– Кстати, – вспомнила Успенская, – нужно бы заняться юбилеем...

– Каким юбилеем? – удивился Вениамин, не слышавший ни о каком торжестве. – Чьим?

– Юбилеем журнала, Веня. Трехлетним. Мы на поверхности уже три года. Не потонули, выплыли. Думаю, ничего особенного устраивать не будем. Ну, скажем, прием в «Английском клубе»... если потянем. Цены на билеты обсудим потом. Думаю, самые дешевые – по две-три сотни. Долларов, – уточнила она на всякий случай.

– Сколько? – переспросил Вениамин, которому показалось, что он ослышался. – Сколько?

– Две-три сотни зеленых, – ответила хладнокровно Иллария. – Не меньше. Самые дешевые.

– А дорогие?

– А дорогие... дороже. Я же говорю: обсудим. И, кроме того, подготовим юбилейный номер с фотографиями тех, кто купит дорогие билеты. – Она, улыбаясь, смотрела на адвоката. – В фамильных драгоценностях, с детьми и собачками. А также с автографами наших журналистов в придачу.

– А ты уверена... – начал Вениамин, но Иллария перебила его:

– Уверена, Веня. Юбилейные номера «Елисейских полей» с собственными фотографиями будут отрываться с руками. За любую цену, даже не сомневайся. Новая буржуазия любит смотреть на себя в зеркало и сравнивать с соседями-соперниками. А зеркала лучше «Елисей-

ских полей» у нас просто нет. Мы – лицо городской буржуазии, мы ее душа, ее сущность. – Иллария говорила, казалось, с насмешкой, неторопливо обволакивая адвоката своим низким голосом. – Мы делаем моду, мы делаем имена, делаем людей, – говорила она, и Вениамин перестал жевать, слушая ее, как ребенок сказку. – И все это за три года! Всего лишь три года! – Глаза ее горели, скулы порозовели, сияли голубоватым огнем сапфиры в ушах. – Но нам нужны деньги, Веня. Большие деньги. И телевидение. Для начала хотя бы раз в неделю, в прайм-тайм. Радио тоже неплохо бы... Дел непочатый край. Нам есть что предложить городу, поверь мне.

– А телеграф нам не нужен? – только и спросил, опомнившись, Вениамин, которого ошеломила страсть, звучавшая в голосе Илларии. Он поежился, представив себе на миг, что случится, если... перейти ей дорогу или попытаться отнять любимую игрушку. Не дай бог!

– Телеграф? – Иллария на секунду задумалась. – Пока не знаю. Надо подумать. А пока... давай за успех! Нас ждут большие дела, поручик! И не стоит дрейфить, Веня, все будет хорошо!

Глава 4

Триумвират

– Ну Савелий! Ну путаник! – стонет Федор Алексеев, падая на свое излюбленное место в укромном уголке бара «Тутси». – Как можно забыть, где могила друга? Значит, ежели завтра я вдруг скоропостижно... так сказать, то тебя и не дождешься в этой обители скорби! Друг называется. Нет, Савелий, сегодня ты открылся мне с новой стороны. Я взглянул на тебя другими глазами.

Савелий Зотов не мастер говорить, до Федора ему, как до неба, что неудивительно – тот преподает философию в местном педагогическом университете. Философия – наука расплывчатая, предполагает умение говорить много и долго, а также обладание навыками полемики. Всем этим Федор оснащен в избытке в отличие от Савелия. Зотов обладает чувством стиля, прекрасно пишет, он главный редактор и гордость местного издательского дома «Арт нуво», но говорить не умеет – блеет, заикается, повторяет без конца «это самое», «как бы» и всякие другие бессмысленные словечки. Искусство речи элитарно, как справедливо заметил кто-то из великих. Тот, кто умеет говорить красиво и без потерь донести до аудитории свою мысль, выиграет любое сражение за умы. Федор Алексеев научился этому, поднатюп на философских семинарах со своими студентами, которые его любят, но спуска не дают, будучи в силу своего возраста ниспровергателями авторитетов, теорий и устоявшихся догм.

– Но ведь нашел же, – оправдывался Савелий. – Нашел же...

– После двухчасовых блужданий, – горько заметил Федор. Он полулежал на мягком диване, закрыв глаза, показывая всем своим видом, что безумно устал.

– Ну, виноват, – бормотал пристыженный Зотов. – Действительно, получилось некрасиво. Ну, ладно, Федя. Сколько можно... это... топтаться?

– Я-то тебя прощаю, Савелий, – отвечал Алексеев. – Я-то прощаю... Хороший хоть был человек?

– Хороший, – неуверенно ответил Зотов. – Работал у нас охранником. Жена попросила, я и пошел, а тут ты...

– Ладно, Савелий. Ты все правильно сделал. Когда-нибудь и мы так же будем наслаждаться вечным покоем, и если никто не почешется прийти... представляешь, как нам будет обидно?

– Не надо быть таким пессимистом, – заметил Савелий серьезно. – Я думаю, придут. Коля придет!

Федор Алексеев только хмыкнул в ответ.

Официант, не спросив, принес им хрустальный графинчик с коньяком, тонко нарезанный лимон и запотевшую бутылку минералки.

– Давай за твоего коллегу, – предложил Федор. – Пусть земля ему будет пухом.

Они выпили. Помолчали. Народ потихоньку подтягивался, жужжал негромко. «Тутси» был баром с доступными ценами, слегка старомодным, куда ходили в основном люди спокойные, из тех, что не лезут драться, перебрав, а безропотно расплачиваются и, не торопясь, бредут домой.

Здесь нет ни оглушающей музыки, ни висящего над стойкой орущего телевизора. Даже вышибала Славик, приятный молодой человек с лицом интеллектуала, был в прошлом студентом Федора. Завидев Алексеева, он спешил ему навстречу и всегда спрашивал: ну как там альма-матер? Дышит еще старушка, отвечал Федор. Это было как пароль и отзыв, которые никогда не менялись.

Они собирались здесь втроем. Третьим в спевшейся компании был капитан Николай Астахов, мент. Алексеев тоже служил капитаном до того, как сменил милицейский мундир на академическую тогу, как он любит повторять. По причине хронической занятости Астахов часто опаздывал на встречу или вовсе не приходил. Друзья нервничали и поминутно звонили ему по сотовому, чтобы не портил кайф. Вот и сейчас Федор сообщил капитану, что они уже на точке и ждут его. Коля обрадовался, забормотал что-то вроде: ты понимаешь, старик, сумасшедший дом, давно пора сваливать, на хрен мне такая жизнь! Бегу! Ждите.

– Ну что? – спросил озабоченно Савелий. – Придет?

– А куда он денется? – ответил Федор. – Конечно, придет. Без капитана чего-то не хватает. Мы с тобой оторваны от жизни, Савелий. Мы с тобой кабинетные крысы. Нам ничего не известно о том, что происходит в городе. Нам видна только верхушка айсберга, а подводная часть городской жизни скрыта в мутных водах преступности. И Николаю есть о чем рассказать. Он – наша Шахерезада.

– Кто? – Савелий от неожиданности проглотил кусочек лимона и закашлялся.

– Шахерезада. Знаешь, кто такая Шахерезада?

– Знаю... конечно. Ну и фантазия у тебя... Коля и... Шахерезада!

– Ассоциативное мышление у меня действительно развито неплохо, – скромно заметил Федор. – Я всегда увлекался аналогиями и сравнениями. Взять, например, тебя, Савелий. Знаешь, кого ты мне напоминаешь?

– Кого? – Зотов простодушно смотрел на него своими небольшими голубыми глазами, полными любопытства и ожидания. Лысина его сияла в тусклом свете, как полированная, краснели уши, крупноватые для головы такого размера, – не красавец, но очень хороший человек.

– Я вижу тебя, Савелий, – медленно начал Федор, уставясь в глаза другу, словно гипнотизируя его. – Я вижу... – Как на грех, его фантазия забуксовала, и ничего путного не пришло в голову.

Зотов как замороженный продолжал смотреть на него.

– А, так вы уже всю гуляете без меня! – раздался родной голос у них над головами.

Капитан Астахов собственной персоной возник перед столиком.

– Коля, пришел! – обрадовался Зотов. – Молодец!

– Очень кстати, – сказал Федор. – Савелий полдня таскал меня по кладбищу, и мне просто необходимо сменить обстановку и расслабиться. Садись, Коля!

– Я не таскал... – возразил Савелий. – Ты сам!

– А с чего это вы вдруг поперлись на кладбище? – спросил капитан, усаживаясь. – Других дел не было? – Будучи реалистом, он всегда называл вещи своими именами и не затруднялся в подборе слов – пользовался первыми пришедшими в голову.

– Проведать одного человека, а Савелий забыл, где он лежит.

– Я не... Ну да, подзабыл маленько, – повинулся Зотов. – Но ведь нашли же!

– Нашли-то нашли, но искали долго. И появились всякие мысли о бренности бытия. О том, что пока мы здесь...

– Меньше думай о всякой фигне, – перебил Федора капитан. – И не надо мутной философии. «Бренность бытия»... Ты еще о смысле жизни расскажи.

– Могу. Вот, как по-твоему, Коля, в чем смысл жизни?

– Не знаю, – ответил капитан. – Потому что смысла нет. В моей, во всяком случае.

– Ошибаешься. В жизни каждого человека есть смысл. Только он может быть скрыт.

– На хрен он тогда нужен, если скрыт? – резонно возразил капитан.

– Придет время, откроется, – утешил его Федор.

– А чего это вы лимончиком закусываете? Я бы сейчас чего-нибудь слопал... – Коля обвел взглядом стол.

– Да у них ничего нет.

– Как это нет? – удивился Коля. – А для своих?

– Только бутерброды. Для всех. Ты живешь в демократическом обществе, Николай, – сказал Федор. – Даже несмотря на то что ты работник... известных органов, тебе тут не подадут яичницу с ветчиной или пельмени.

– Эх, пельмешек бы сейчас! – воскликнул Коля с энтузиазмом. – Ладно, давай бутерброды. Штук пять для разгона. И водки. В демократическом... – хмыкнул он. – Недавно прочитал об одном деятеле из мэрии: взятки берет, но в душе демократ!

– Все берут, – отозвался Федор. – Сам знаешь. И демократы, и либералы, и сторонники национальной идеи. Деньги не только не пахнут, они вообще – вне политики.

Ему никто не возразил. Капитан сосредоточенно жевал, Савелий задумчиво кивал, печалась о несовершенстве человеческой природы. Переключаясь на другую тему, Федор спросил:

– Ну-с, а что новенького в преступном мире?

– Новенького? – повторил Коля с набитым ртом. – Тебе весь список огласить?

– Не обязательно, – ответил Федор. – Давай самые горячие новости часа. Как я понял из нашей короткой телефонной беседы, ты опять собираешься бросать все к чертовой матери и уходить к брату в бизнес. Что случилось?

– Полный отстой, – признался Астахов. – Даже вспоминать не хочется. Давайте лучше про кладбище.

– Знаешь, Коля, только там начинаешь понимать некоторые вещи...

– Например? – капитан перестал жевать.

– Что мы не вечны.

– Ты, Федька, десять лет вкалывал ментом, пока не слинял в академики, и не понял, что мы... как это ты сказал – не вечны? Или забыл уже? И вспомнил только на кладбище?

– Помню, – ответил Федор. – Но на той работе некогда было думать. А тут... день прекрасный, солнце, травка, памятники. Тишина. Бабочки летают. Какие-то женщины возятся, цветочки высаживают. И ты чувствуешь, что это... последняя остановка! И тем, кто приехал, уже ничего не нужно: ни денег, ни положения, ничего того, за что перегрызали друг другу глотки.

– Ага, – скептически бросил капитан, – и тут возникает философский вопрос – зачем старались? Зачем глотки друг другу грызли, зачем надрывались, предавали, убивали, да? Лучше бы лежали на диване и читали книжку... или разводили кроликов. И одну бабу на всю жизнь. И жрать только овощи. И долго бы ты так протянул с такой философией?

– Мутной!

– Вот именно! Мутной! Человек – животное, и всегда будет убивать, жрать мясо и отнимать у соседа его бабу. И никакая ваша цивилизация этого не изменит. Вот тебе и вся философия!

– Я читал... – подал голос Савелий. – Я читал, что... у преступников почему-то удваивается одна из хромосом. И этих асоциальных личностей можно исправить с помощью генной инженерии... сразу после рождения. Когда-нибудь наука сумеет...

– Идея старая, – заметил Федор. – Помните «Возвращение со звезд» Лема?

– Помню, – ответил Савелий.

– Не помню, – нахмурился капитан.

– Космонавты вернулись на Землю после длительного полета, а ученые тем временем придумали прививку против агрессивности – «бетризацию». Научились убивать в человеке зверя. И прекратились убийства и насилие, а также – полеты в космос, освоение планет, океанских глубин. Люди потеряли дух здорового авантюризма и готовность рисковать. Народ переключился на развлечения и потерял смысл жизни. В результате эволюция прекратилась, и началось вырождение. Аналогия понятна?

– Понятна, – ответил Савелий. – Ты хочешь сказать, что без агрессивности мы выродимся?

– Да. Человек – хищное животное. Крестоносцы, открыватели новых земель, золотоискатели, талантливые военачальники – это все хищники. Мораль, воспитание, вера смягчают агрессивность и направляют ее в другое русло...

– Ага, направляют! Воспитатели вроде тебя, – заметил капитан исключительно из духа противоречия.

– В следующий раз мы с Савелием возьмем тебя на кладбище, – сказал Федор. – Положительно действует на психику и успокаивает нервы. Что там у тебя, капитан?

– Да много чего, – буркнул тот, дожевывая последний бутерброд. – Убийство.

– Убийство? – поразился Савелий.

– У меня каждый день убийства, – отозвался Астахов с досадой. – А ты говоришь! – Он махнул рукой.

– Можно детали? – спросил Федор.

– Жертва – бизнесмен, миллионер, собиратель антиквариата. Его повесили на перилах второго этажа – там балкон-галерея вокруг гостиной. Табурет взяли из кухни. И уже началось давление сверху, требуют результата... Пресса бьется в истерику, общественность туда же – дармоеды, взяточники, караул! Ненавижу.

– А что за человек?

– Краснухин. Строительная мафия и казино. В свое время проходил по убийству партнера по бизнесу, но отмазался. Начинал как мелкий жулик, шестерка. Теперь уважаемый человек, с мэром на «ты». Спонсирует детский дом, любит фотографироваться с детишками. Будь моя воля, я бы его давно потряс насчет этих самых детишек, уж больно морда у него умильная на фотографиях. Да и слухи ходили, что любит мальчиков. Любил, – поправился. – Теперь ему по фигу и мальчики, и девочки.

– Самоубийство?

– Исключается.

– Почему?

– Факты против. А кроме того, эта шавка никогда бы не наложила на себя руки. Фортуна льбила ему золотыми фиксами и поддерживала под локоток. Тот, кто его приговорил, сделал доброе дело. Даже жаль мужика...

– Сначала поймай, – заметил Федор.

– Поймаю! – ответил капитан. – Не терпится посмотреть на его личность. Краснухин временно проживал один. Жена в Испании – там у них, видите ли, родовой замок. Службу безопасности он в тот вечер отослал. Значит, ждал гостей и не хотел свидетелей. Сам открыл дверь. Сигнализация отключена. На журнальном столике в гостиной – коньяк «Наполеон», тарелки с лимоном и копченой семгой. И хрустальный бокал, из которого пил хозяин. Второй, которым также пользовались, вымыли, вытерли и поставили на место в сервант.

– Инсценировка самоубийства? – заволновался Савелий. – Я читал в одном романе...

– А что взяли? – спросил Федор.

– Драгоценности, антиквариат, картины. Секретарь-референт составил список. У этого жлоба – секретарь-референт! Исчезли две картины, одна – подлинный Кустодиев, другая – какой-то француз, забыл, как зовут. Начало прошлого века. Секретарь говорит – куплена в прошлом году на аукционе за миллион евро. Из сейфа исчезли коллекция старинных монет и украшения жены. Кстати, сейф не взломан. Его открыли и так и оставили. Секретарь говорит, что стоимость похищенного примерно два-три миллиона евро. По предварительным подсчетам.

– А секретарь не мог?

– Проверяем.

– Следы побоев, уколов?

– Ничего. Но в крови наличие неизвестного препарата. Какая-то наркота или снотворное. Возможно, привезена из-за кордона, из Азии. Сейчас этого добра навалом.

– Кто его обнаружил?

– Патрульная служба. В пять сорок утра поступил звонок от человека, который выгуливал собаку. Живет рядом. Он видел, как из двора вышли двое мужчин, по виду бомжи. Несли какие-то узлы. Он по мобильнику позвонил дежурному. Говорит, увидел открытые настежь ворота и сразу понял, что это неспроста. Бомжей повязали через час. Они действительно были в доме, но заходить в гостиную побоялись. Сгресли все, что висело в прихожей, – дубленки, шубы. Клянутся, что случайно проходили мимо, топали из деревни в город, смотрят, а ворота не заперты. Ну, они и сунулись. Входная дверь тоже оказалась открытой. Дальше прихожей они не заходили. «Серенька говорит, давай, а я отвечаю, не-а! Мало ли что там, потом на нас повесят!» – передразнил он одного из задержанных. Подкованный бомж пошел, все статьи знает.

– А чего они шляются по ночам? – спросил Федор.

– Их выгнали из гостей, рядом, в деревне. Чего-то они там не поделили с хозяином. Он подтверждает их рассказ.

– Непонятно, почему убийца не запер входную дверь. И ворота... Твои бомжи не врут?

– Не врут. Да я и сам уже думал...

– Никаких следов взлома, все чисто, вполне могло сойти за самоубийство. Да и бокал только один. Мало ли у человека причин... для горя. Если правильно все обставить... – раздумывал вслух Федор. – Убрать посуду, закрыть сейф, запереть дверь.... А табурет по высоте подходит? Помню, был случай – табурет низкий, псевдосамоубийца не смог бы надеть петлю на шею. Не ушли.

– Табурет нормальный. Все чин чинарем. Краснухин не наркоман. Наркотик он принял незадолго до смерти, предположительно с коньяком.

– И что же у нас получается... – Федор уже напрочь забыл про блуждания по кладбищу и усталость. – Краснухин ждал гостей. Раз! Женщину. Два! А может, мужчину. Три! Явно не партнера по бизнесу – с партнером можно встретиться днем. Это было тайное свидание. Тайное романтическое свидание в пустом доме. Только они вдвоем... И я склонен думать, что это был мужчина... принимая во внимание слухи о пристрастиях покойного.

– Почему вдвоем? Их могло быть и трое... – встрял Савелий. – Их же все равно никто не видел.

– Их было только двое, Савелий, – ответил Федор. – Хозяин и гость. И они пользовались двумя бокалами. Если только... – он запнулся, глядя на Зотова.

– Что? – настороженно спросил капитан.

– Если только... – подхватил Савелий, в свою очередь пристально глядя на Федора. – Один ведь мог не пить? Двое пили, а третий не пил... Значит, трое. Или даже четверо. Двое пили, двое не пили.

– Число непьющих участников можно увеличивать до бесконечности, – заметил Федор. – Логика, однако. А ты что думаешь, капитан?

– Идиотская, – ответил кратко Астахов. – К твоему сведению, Савелий, приличный хозяин выставляет бокалы для всех, а будут они пить или не будут, дело десятое. Вот ты, Савелий, водку не любишь, а пьешь исключительно за компанию. Так что их было двое. И точка. Просто смешно... трое, четверо!

– Согласен, двое, – кивнул Федор. – Но если бы он ожидал женщину, то подал бы ликер, шоколад... А так – честная мужская закуска: лимон и копченая рыба.

– В холодильнике обнаружили торт, шампанское и коробку конфет, – сказал капитан. – Так что неизвестно. Может, начали с коньяка для разгона.

– Женщина! – охнул впечатлительный Савелий.

Наступила пауза.

– Итак, в данный момент ситуация выглядит следующим образом, – подвел черту Федор. – Некто приходит к Краснухину. Жертва выставляет коньяк и два бокала. Версия о женщине не исключается, она интересна, но слишком смахивает на дамский детективный роман. Даме не под силу повесить мужчину. Почему женщина, Савелий?

– Всегда... ищите женщину, – пробормотал раскрасневшийся от выпитого Зотов. – Во всех романах...

– Во всех романах... С прародительницы Евы. Ты прав, Савелий, – похвалил Федор. – Вопрос об убийце-женщине остается пока открытым. Она вполне могла быть сообщницей. Вошла первой, а потом впустила остальных, сколько их там было... – Он снова задумался. – Но... как-то это все... Уж очень чисто, красиво, без драки и возни. Чтобы открыть сейф, нужно знать код. Откуда? Жертва сама сообщила? С какой стати? Хвасталась? Под действием наркотика? Профессиональная работа. Убийца знал, что можно взять и где это лежит. Он не чужой, он свой. Или... женщина своя. Сколько там было картин?

– Штук тридцать, – ответил капитан. – Даже в коридоре висят.

– Ну вот, а взяли только две, самые ценные, – заметил Федор. – И если все так чисто и красиво – даже бокал убрали, – зачем оставили открытой дверь? Спешили?

Астахов пожал плечами.

– И что теперь? – спросил Савелий.

– Теперь Николай будет искать украденные вещи и картины. Пройдется по скупкам, озадачит своих агентов. Проверит связи Краснухина. Допросит его службу безопасности – они должны знать, с кем путался хозяин. Займется телефонными разговорами покойного, мобильником и бумагами. Восстановит по минутам его последние дни. Ведь как-то же общался он с таинственной незнакомкой. Побеседует с секретаршей и еще раз с референтом. А также с женой. Проверит ее связи, спрашивает насчет семейных отношений. Обычная сыскная рутина, Савелий. Та, о которой не пишут в романах. Потому что это никому не интересно. Вот так. А интересно другое...

– Что? – выдохнул Савелий.

– Все та же дверь! Почему преступник, уходя, не захлопнул ее? Почему оставил открытым сейф? Зачем вымыл бокал и поставил в сервант? При открытой двери не вижу в этом смысла.

– Я не... понимаю, – сказал Савелий, волнуясь. – Это ведь... такие мелочи... и бокал, и дверь. Я бы и внимания не обратил... Тем более на нем не было отпечатков пальцев. Как вообще пришло в голову... это... искать второй бокал? А про дверь он мог просто забыть... Я тоже забываю запирать... иногда.

– Бокал стали искать, когда предположили, что он пил не один, – объяснил капитан. – В нашем деле, Савелий, важна любая мелочь. А дверь... Поверь мне, Краснухин не только запирал дверь, но еще и замки проверял по десять раз. А почему преступник не закрыл... Не знаю. Спроси у Федьки. У него есть готовая теория, зачем. Он тебе подведет базу.

– А какая разница? Ну не закрыл, и что? Я совсем запутался, – признался Савелий. – Может, просто забыл?

– Э, нет! Незапертая дверь – это знак! – значительно произнес Федор. – Подумай сам, Савелий...

– Не понял! – удивился капитан. – Какой еще знак?

– Убийца подбрасывает улики, он играет. Он убрал бокал, прекрасно зная, что его найдут, но оставил открытой дверь...

– Что значит играет? – изумился Савелий.

– Мне тоже интересно, на хрен? – присоединился к нему капитан.

Федор медлил с ответом, подогревая интерес аудитории. Насладившись эффектом от своих слов, он сказал:

– Это вызов! Он не боится и не замечает следы. Он уверен, что обставит вас. Для него это игра!

Савелий и Астахов обалдело смотрели на Федора.

– Надеюсь, это шутка? – опомнился наконец Астахов.

– Конечно, шутка! Я пошутил. Так, мысли вслух. Не обращайтесь внимания.

– Доехала благополучно, целую, твоя крыша, как говорит моя Ирка, – сказал капитан. – Знаешь, Федор, я думаю, ты правильно сделал, что подался в философы. Я вообще не понимаю, как эта наука в принципе могла до тебя существовать.

– Я тоже не понимаю, – скромно признался Федор. – Кстати, на кладбище я обратил внимание на мужчину... Здоровенный парень, небритый, плохо одет – слишком тепло, не по сезону. Явно вернулся из заключения, таких за версту видно. Сидел на скамейке у двойной могилы, возможно, родителей...

– Ну и что? – капитан настороженно смотрел на Федора.

– А то, что я увидел его еще раз, когда мы через полчаса вернулись на то же место. Савелий, как Ариадна, три часа таскал меня по кладбищу.

– Какая еще Ариадна? – спросил подозрительно Астахов.

– Одна греческая девушка, которая пряла нитки и дарила клубки знакомым мужчинам. Да, так вот, увидел я его еще раз... неподалеку от того же места...

– А я никого не видел, – сказал Савелий.

– Ты был занят, – ответил Федор. – Искал тропу. А я, в отличие от тебя, смотрел по сторонам. И увидел.

– А при чем тут... этот человек? – пробормотал Зотов, присматриваясь к Федору, который, как ему казалось, весь вечер вел себя неадекватно.

– А то, мой друг Савелий, что он стоял уже у другой могилы, и выражение лица у него было такое... как будто он увидел привидение.

– А чья могила? – спросил Николай, невольно заинтересовавшись.

– Женщины по имени Максимова Ольга, отчество я прочитать не смог, помешала ветка.

Скромный черный обелиск, крест. Женщина молодая, судя по фотографии на медальоне...

– Ну и что?

– Не знаю, – Федор пожал плечами. – Но уж очень выражение лица у него было... перевернутое!

– Какое? – удивился Савелий.

– Перевернутое. Потрясенное. Как у человека, увидевшего призрак.

Капитан застонал. Ему уже надоела кладбищенская тематика.

– Предлагаю тост за дружбу и взаимопонимание! – сказал он как припечатал. – Сколько можно про покойников?

Глава 5

Отчий дом

Павел Максимов расплатился с частником, который с облегчением рванул прочь так, что только шины закрипели. Через минуту шум мотора растворился в глубокой тишине Посадовки, где Павел не был целую вечность. Где-то залаял потревоженный пес, и снова стало тихо. Здесь было холоднее, чем в городе. Неярко горел фонарь у продуктового магазина, облик которого не изменился за прошедшее время, разве что появились в витрине разноцветные импортные упаковки да бутылки кока-колы.

Он постоял посреди площади, привыкая. Глубоко вдыхал холодный воздух. Если в городе накрапывал мелкий дождь, то здесь, видимо, прошел ливень. Фонарь отражался в большой луже, и отражение его казалось опрокинутой луной. И облака здесь висели ниже, чем в городе. И пахло иначе – мокрой землей и молодыми листьями, а не асфальтом.

Павел свернул в знакомую кривоватую улочку. Маша права, строительство здесь шло полным ходом – терема перли из земли, как грибы. Двух-, даже трехэтажные, с башенками, колоннами, иллюминаторами вместо окон, они отгораживались от мира высокими бетонными заборами. Над входами горели светильники, ворота заперты наглухо. Улица заасфальтирована, даже фонари не разбиты поселковой шпаной, как бывало в его времена.

Родительский дом, казалось, стал меньше. Врос в землю, постарел, пока Павел отсутствовал. Он прятался в тупичке, где нет фонарей и тьма стоит кромешная. К счастью, ночь оказалась не абсолютно темной, несмотря на низкие облака.

Павел отворил калитку, пошел по выщербленной кирпичной дорожке. Ветка яблони мазнула его по лицу, оставив мокрый след, и он невольно рассмеялся. Дом возвышался перед ним темный, притаившийся, чутко прислушивающийся. Ему показалось, дом рассматривает его невидимыми глазами. «Это я, – сказал он. – Вернулся. Здравствуй!» В глазах защипало, что удивило его безмерно – Павел никогда не был сентиментальным.

Он поднялся по скрипучим ступенькам на крыльцо, достал ключ, на ощупь нашел замочную скважину. Ключ с трудом повернулся, издав громкий скрежет. Дверь тяжело подалась, из дома пахло холодом и сыростью. Он переступил порог, щелкнул кнопкой – рука сама нашла выключатель, по старой памяти. Свет брызнул жидкий, выморочный. Осветил какие-то коробки, всякий хлам, который немедленно наползает ниоткуда и заполняет брошенное людьми жильё.

Он споткнулся не то о грабли, не то о лопату; обрушил на пол, чертыхнулся. Грохот, подхваченный эхом, раскатился по спящему поселку.

В доме было сыро. Павел прошелся по комнатам – гостиная, спальня, еще одна, крохотная каморка, которую отдали ему, как старшему, чему Маша очень завидовала. Здесь, видимо, жил племянник – валялся забытый желтый медвежонок, да занавески были ярко-желтые, в зверушках. И еще одна, кабинет, как отец ее гордо называл. В ней когда-то жила Оля...

Павел с трудом приоткрыл перекошенную дверь. Об этой комнате, видимо, и говорил Юра. Той, где его вещи. Он стоял на пороге, удивленный, осматриваясь. Усмехнулся – у Юрика, оказывается, была здесь своя жизнь и свои тайны.

...Дрова он нашел на кухне. В доме имелся газ, но для тепла топили печку. Павлу удалось разжечь ее только через полчаса – отвык, потерял сноровку. Дрова отсырели, и кухня наполнилась вонючим сизым дымом. Он заметил плесень на полу у окна – из-за неплотно пригнанной рамы оттуда текло при непогоде.

Поленья наконец занялись. Дым скоро вытянуло сквозняком, вольготно гуляющим по дому – Павел отворил все окна и двери. Он сидел на корточках у открытой дверцы печки, чувствуя сухой жар огня. Трещало, сгорая, дерево, наполняя дом теплым духом.

Впервые за много лет у Павла стало удивительно спокойно на душе. Он смотрел бездумно на оранжевые пляшущие языки огня, подставляя лицо и руки теплу, и пламя отражалось в его глазах.

Павел притащил к печке одеяло, простыни, подушку и разложил на табуретах – пусть подсохнут. Из крана капала ржавая густая жижа. Он не поленился, сходил к колонке. Вскипятил воду. Покопался в снеди, собранной Машей, достал жестянку с чаем.

Он сидел, набросив на плечи плед, на веранде, в ветхом кресле. В нем когда-то любила сидеть мама. У ног стояла керамическая кружка крепкого чая, над ней вилась облачка пара. Он невольно улыбнулся, вспомнив Юру. И посочувствовал ему. Удивительное чувство, которому и названия-то сразу не подберешь, охватило его. Чувство дома, возвращения, свободы. От всего этого он отвык за восемь долгих лет. И блаженное чувство одиночества...

Он сидел на веранде, грея руки о кружку с чаем. Облака растворились постепенно, и небо прояснилось. На нем появилась первая неуверенная дрожащая звезда. Другая, третья... Павлу казалось, что дом превратился в корабль, неторопливо плывущий в далекие края. Мягко работают послушные механизмы, горят огни, бушует в топках пламя. А он – капитан. Корабль, где один лишь капитан, а команды нет. Корабль плывет, капитан пьет чай. Ночь вокруг. Ночь и одиночество. То, чего ему так не хватало. Одиночество, которое иногда – благо.

Уловив краем глаза движение справа, Павел резко повернул голову. На перилах веранды сидел громадный черный кот и, шурясь, смотрел в освещенное окно кухни. Зверь в свою очередь взглянул на Павла – несколько долгих секунд взгляды их, сцепившись, удерживали друг друга. Кот, видимо, поняв, что человек не представляет опасности, снова уставился в освещенное окно. Зрачки в желто-зеленых кошачьих глазах стояли вертикально.

Глаза Павла привыкли к темноте, и он стал различать деревья, кусты, скамейку под... яблоней, кажется. Скамейка была его ровесницей – он помнил ее столько же, сколько помнил себя. Отец сидел под яблоней, мама – на веранде. Розы еще были, вспомнил Павел, темно-красные, которые он рвал тайком, чтобы подарить девочке. И высокие синие цветы с каким-то странным названием – что-то связанное с... морем? Как же они назывались? Мама срезала несколько длинных стеблей, ставила в высокую зеленоватую вазу толстого стекла... Ваза была похожа на страусиную ногу. Как же они назывались? Дельфиниум! Ну да, дельфиниум. От слова «дельфин», наверное. Или от города Дельфы?

Всплывали какие-то картинки из детства. Отец в майке, мама в выгоревшем сарафане. Соседи. Долгие посиделки вечерами, чуть ли не до первых петухов. Жизнь простая, патриархальная, небогатая – как у всех. Жизнь на земле и при земле. Такую воспевают поэты, никогда не жившие в деревне, а те, кто родился здесь, изо всех сил стремятся удрать в город.

Иногда Павел думал: хорошо, что мама не дожила до... всего этого. Обвинений, суда, допросов; дурного, истеричного любопытства Посадовки она бы не вынесла. Отец умер от сердечного приступа год спустя. Весь год он обивал пороги, пытаясь помочь сыну. Надев ордена, ждал под кабинетами...

Много воды утекло. Павел отсидел положенное от звонка до звонка. И так пусть скажет спасибо, что не двадцать, а всего восемь... Повезло.

Он не жаловался на судьбу. То, что произошло с ним, он принял... безоговорочно. За все нужно платить. Рано или поздно. Он верил подспудно, невнятно, на уровне инстинкта, в конечную справедливость, воздаяние по делам...

Он подбросил в радостно гудящую печку дрова, заварил свежий чай. Достал кусочек мяса, предложил гостю, все еще сидевшему на перилах. Кот внимательно посмотрел ему в

глаза, и только после этого перевел взгляд на угощение. Осторожно взял из рук, стал есть, трясая головой. Наступил лапой, чтобы не уронить. Умный зверь.

Кажется, Павел задремал. Треснувший сучок разбудил его. Он взглянул на часы. Три. Треск разбудил и черного кота. Он потягивался на перилах, выгнув спину, хвост торчал кверху, как древко знамени. Павел, рассеянно глядя на кота, прикидывал, не постелить ли себе на веранде. Холодно, зато воздух свежий. А дом пусть протопится за ночь...

Он взял с пола кружку с остывшим чаем. Поднес ко рту, и в этот самый миг вдруг громыхнул ружейный выстрел! Павел увидел вспышку в кустах рядом, выронил кружку и бросился на пол. По-пластунски преодолел пару метров освещенной веранды, перемахнул через перила. Кота как ветром сдуло. Павел упал в мокрые заросли каких-то кустов и прошлогодних стеблей, зарылся поглубже, ощущая лопатками направленное на него дуло. Замер. Но выстрелов больше не последовало. Не открылись окна, не захлопали двери, не раздались испуганные голоса – Посадка за свою историю и не такое видела. Здесь свято блюли основной закон выживания: если на улице стреляют, не стоит подходить к окнам.

Тишина вокруг была вязкой – ни звука шагов, ни шелеста потревоженной ветки...

* * *

– Лиза, Элизабет, Бетси и Бесс, – сказал он в трубку и замолчал. Я слышала его прерывистое дыхание – волнуется?

– Добрый вечер, – ответила я. – Это Лиза, остальные уже ушли.

Он рассмеялся.

– А вы все не уходите и ждете моего звонка?

– Много работы, – ответила я. – А... вообще-то, жду!

– Я знаю, – он снова рассмеялся. – Я тоже жду, когда смогу позвонить. Думаю о вас все время... У вас несовременное имя, Лиза. И вы необыкновенная.

– Откуда вы знаете?

– Я чувствую. У вас приятный голос, Лиза. Я готов слушать вас... все время.

У него тоже приятный голос. И хотя говорит он банальности, я готова слушать его постоянно. Мы болтаем о всякой ерунде. Его зовут Игорь. Игорь... и все! Он художник. Живет один. Сначала я в это верила, а теперь... не очень. Что-то здесь не то, подсказывает мне мой не шибко богатый опыт общения с противоположным полом. Если он одинок, то почему не приглашает меня в свою мастерскую посмотреть картины? Предлог просто валяется под ногами – нагнись и подними. Кто откажется взглянуть на картины? А он не зовет. Не хочет? Зачем тогда звонит? Раз или два в неделю, в разные дни, но всегда в одно и то же время... В половине девятого. Я рада его звонкам, хотя и недоумеваю.

Может, он уродлив? Калека? Или слишком робок? Ни за что не поверю, художники не бывают робкими. Они бывают странными, не от мира сего, чудаками, но робости в них нет – видимо, из-за богатого воображения.

Он позвонил впервые около двух месяцев назад, в марте. Днем. Случайно, ошибся номером. Так он сказал. Спросил, какой номер у меня. Извинился и повесил трубку. И на другой день позвонил снова и сказал... «Странная вещь получается, – сказал он, – набираю совсем другой номер, а попадаю к вам. Как вас зовут?»

У него был неуверенный голос, казалось, он не ожидал, что я отвечу. Я ответила. Он рассмеялся довольно. И сказал, что его зовут Игорь.

За два месяца можно много узнать о человеке и еще больше придумать – внешность, например. Он невысок ростом, представляла я себе, с приятными манерами, мягким голосом... Про голос я, кажется, уже говорила. Может долго молчать. Рассеян. Созерцателен. Смот-

рит испытующе, нагнув голову к плечу, лбом вперед, словно бодая собеседника. Хочет запомнить, а потом нарисовать.

Он сказал, что пишет маслом, но больше любит акварель. За прозрачность и чистоту. Когда-нибудь он покажет мне свои работы. Когда-нибудь... Когда?

В нем меня удивляет какая-то... как бы это объяснить... «Как это будет сказать по-русски», – говаривал персонаж какого-то произведения... Нерешительность, что ли. И несовершенство. Мы по-прежнему на «вы», ему не приходит в голову перейти на «ты». Все молодые люди, которых я знаю, переходят на «ты» если не в первую минуту знакомства, то уж во вторую наверняка. Может, он немолод?

Он спросил меня, это домашний телефон или рабочий? Любой на его месте, узнав, что рабочий, тут же попросил бы домашний. Он не спросил о телефоне, а спросил, чем я занимаюсь. Услышав, что я пишу письма, обрадовался.

– Ваша работа отвечать на письма? – переспросил он. – И что же вы им... говорите?

– Утешаю в основном, – пояснила я.

– Да, вокруг так много несчастных людей, – сказал он. – А... они вам верят?

– Верят. Когда человеку плохо, он рад любому, кто готов его выслушать. А я всегда... на посту.

– А кто вам пишет? – спросил он.

– Девушки в основном.

– Они пишут о любви? – уточнил он. И вопрос его был не праздным – чувствовалось, что тема его затронула.

– О чем еще могут писать девушки?

Он засмеялся.

– Знаете, я думаю, что любовь, даже безответная, все равно удивительное чувство. Как ураган.

– Ураган? – удивилась я.

– Ну да. Все сметает и рушит на своем пути. Даже дышится по-другому...

– И выворачивает с корнем деревья.

– Да, бывает. А письма... интересные?

– Иногда... нечасто. Все брошенные жалуются, и жалобы их удивительно однообразны. Тем более не все умеют грамотно писать. Иногда я чувствую себя учительницей...

– Хочется поставить двойку?

– Хочется. Но ведь пишут не от хорошей жизни, а чтобы получить утешение. Вы не представляете себе, как хочется услышать что-нибудь вроде: дорогая Лена, все будет хорошо, поверь мне. Ты еще встретишь свою любовь...

– Представляю, – ответил он. – Очень даже представляю. А потом, когда все заканчивается хорошо, они пишут вам... ну, рассказывают, что все наладилось?

– Пишут... иногда. Даже зовут на свадьбу.

– И вы...

– Нет. Я никогда не отвечаю на приглашения.

– Понимаю, – говорит он после паузы. – У вас семья?

Переход был слишком резкий, и я промолчала. Он понял и сказал:

– Извините.

...Семьи у меня нет. Иначе я не сидела бы на работе допоздна. Мог бы сам догадаться. С шестнадцати лет я одна. С тех самых пор, как умерла Светлана Семеновна, единственный близкий человек, которого я знала в жизни, директриса городского детского дома. Если бы не она, кто знает, кем бы я выросла? Когда мне исполнилось восемь, Светлана Семеновна забрала меня к себе. Я никогда не спрашивала ее о моих родителях, но она сама рассказала, что меня оставила в роддоме молоденькая женщина, совсем девчонка. Ее привезли чуть ли не с улицы

ночью, она родила девочку – меня – на удивление легко, а утром удрала, бросив младенца на произвол судьбы. Ни паспорта, ни других документов при ней не было. Даже имени ее никто не знал. Не спросили, не до того было. Нянечка помнила только, что она «орала дюже». И колечка обручального на руке не оказалось. Удрала под утро, не оглянувшись, не увидев своего ребенка, прямо в больничной, не по росту, сорочке...

Меня, как всякого брошенного ребенка, жгуче интересовал вопрос: думает ли мать обо мне хоть иногда? Вспоминает? Не котенок ведь... человек! Маленький, беспомощный, слабый... Или, перепуганная до смерти, она бежала куда глаза глядят, не желая ни видеть меня, ни слышать, желая только одного – удрать и забыть, как страшный сон?

Став старше, я поняла, что моя молоденькая мать была несчастной глупой девчонкой, брошенной дружком, и ребенок ей ни к чему. Слава богу, хоть не извела...

Но это потом. А пока я придумывала себе всякие истории о том, что меня похитили у матери и она до сих пор ищет своего ребенка и ходит с ума от горя. Мне хотелось куда-то бежать, кричать, что я здесь... Я стала замкнутой, мне казалось, что меня нарочно прячут, а мама моя на самом деле пишет во все уголки страны, даже сюда, в наш детдом, ищет меня, а мне эти письма не показывают и только шепчутся за спиной.

Светлана Семеновна, прекрасно понимая, что со мной творится, сказала однажды: «Лизочка, послушай меня, родная! Человек иногда совершает странные поступки. Твоя мама была совсем девочкой, говорили, ей тогда было не больше шестнадцати. Кто знает, как сложилась ее жизнь? Никто не знает. Но твоя жизнь у тебя в руках. Ты не погибла, не пропала, ты умная девочка – надо быть благодарной судьбе за это. Я тебя очень люблю. Возможно, в один прекрасный день вы встретитесь... ты и твоя мать. Она знает, где тебя искать. А пока учись, набирайся сил, ума-разума. И помни: мы тебя любим, мы твоя семья...»

... Я по-прежнему живу в квартире Светланы Семеновны – я стала ее семьей. Другой у нее никогда не было. Светлана Семеновна не могла иметь детей и всю жизнь возилась с чужими. А моя молоденькая глупая мама могла! И сбежала от меня. Иногда я представляю, что у нее теперь семья, другие дети – мои братья и сестры... Вспоминает ли она обо мне? Хоть изредка? Помнит ли мой день рождения? Ведь она даже не знает, как меня зовут...

– И что же вы советуете брошенным девушкам? – спрашивает Игорь.

– Оглянуться вокруг. Кстати, мне пишут не только брошенные девушки.

– Неужели парни тоже пишут? – не верит он.

– Пишут, но редко. Мне пишут девушки, которые хотят любить. Они спрашивают, где можно встретить доброго, надежного, честного. Единственного...

– И вы...

– Я говорю – ждите.

– И надеетесь?

– Да.

– Удивительно, – говорит он, – игра под названием «Любовь» тянется тысячелетия и до сих пор... актуальна! И никакая сексуальная революция ее не убила.

– Только слегка придушила, – говорю я.

Он смеется. Вообще, он легко смеется, и я понимаю, что его радует наше общение. Меня тоже. И нам все равно, о чем говорить. Обо всем, ни о чем. Он тоже одинок?

– Извините, – говорю я с сожалением, – мне нужно еще поработать.

– До завтра, – прощается он. – Я позвоню. Спокойной ночи...

– Вы звоните из автомата? – спрашиваю я вдруг. Мне слышен шум мотора.

Он отвечает не сразу – думает. Потом говорит:

– Нет, я просто стою у открытого окна...

Глава 6

Будни «Елисейских полей»

– Как жизнь, Лизавета? – спросил Аспарагус, появляясь на пороге моей комнаты. Лицо у него расстроенное.

– Хорошо, Йоханн Томасович, – ответила я. – Что-нибудь случилось?

– Случилось уже давно. А сегодня я в очередной раз спросил себя, какого черта я здесь делаю.

– Йоханн Томасович, я не представляю «Поля» без вас, честное слово. Вы придаете журналу блеск. Если бы не вы, он ничем бы не отличался от своих пошлых собратьев, где одна реклама и секс. – Свою реплику я подала без запинки, как по-писаному. – Вы очеловечиваете его. Ваш стиль и эрудиция придают ему вес. Без вас он бы умер!

– Спасибо, Лизавета, – сказал главред, и голос его дрогнул. – Я благодарен вам, хотя и понимаю, что это неправда... то, что вы сейчас сказали. Не перебивайте меня, Лизавета, – он предостерегающе поднял руку, видя, что я открыла рот, собираясь возразить. – Скажем, не совсем правда. Молодежь считает меня старым ретроградом, которому давно пора на свалку. Аэлита ждет не дождется, когда я исчезну и она займет мое кресло. Эрик тоже... Кстати, Лизавета, вы заметили, что уже третий день на нем розовые носки?

– Не заметила, Йоханн Томасович. Но обязательно посмотрю. Завтра же утром. Сегодня не получится, я думаю, он уже ушел.

– Я не понимаю, как вменяемый человек может носить розовые носки. Даже нетрадиционно ориентированный. Наверное, я безбожно отстал от жизни. Мой поезд ушел, а я все еще беспомощно топчусь на перроне, надеясь неизвестно на что.

– Вы неправы, Йоханн Томасович, – говорю я. Мне жалко его. Одиночество – страшная штука. Но, с другой стороны, у него четверо детей и, возможно, с десятков внуков, с которыми он не поддерживает отношений. «Смотри на него, Лизавета, – говорю я себе, – на этого старого волка, для которого в жизни существовала только работа. Смотри, с чем он остался! Или, вернее, с кем. С Аэлитой, которую он называет генетической ошибкой, со Шкодливим Эриком в розовых носках, с Борей Гудковым, заведующим разделом рекламы и юмора, чьих анекдотов он не понимает и постоянно призывает меня в качестве третьей стороны».

– Послушайте, Лизавета, как вам следующий опус, – говорит он мне, надевая очки и поднося к носу исписанный листок. – Интервью с городскими знаменитостями... С каких это пор они стали знаменитостями? В каком обществе мы с вами живем? Почему владелец сети пивных самодовольно рассказывает, как он достиг жизненного успеха, а популярная безголосая певичка свободно рассуждает о своих любовниках? А Бородатый малютка вообще пишет о молодой женщине, зачавшей от пришельцев! Дикость!

Я не могу удержаться от смеха. Бородатый Малютка[«Бородатый малютка» – рассказ Валентина Катаева о погоне за дешевыми сенсациями.], как называет его Йоханн, не кто иной, как известный журналист и писатель, местная достопримечательность – Добродеев Алексей Генрихович. Свободный художник, печатающийся во всех городских газетах и журналах. Свои материалы он, скорее всего, сочиняет сам, но ссылается при этом на самые достоверные источники.

– Ей через месяц рожать, – говорит Йоханн.

– Кому? – вздрагиваю я.

– Да этой, которая с пришельцами. Добродеев клянется, что лично встречался с ней, и уверяет, что она действительно в интересном положении. Сон разума какой-то, честное слово! – горестно восклицает главред.

– А... может, это правда. Насчет пришельцев...

– Лизавета! И вы туда же? Какие пришельцы? Я допускаю, что дама в интересном положении, но при чем тут летающие тарелки? Хотя вы ведь тоже пишете роман о пришельцах. Вы и Добродеев – родственные души... – В словах его звучит горечь.

– Но ведь есть очевидцы, и ученые говорят... – оправдываюсь я, чувствуя себя глупо.

– А! – машет рукой Йоханн. Достает серебряную фляжку, отвинчивает крышку-наперсток. Аккуратно наливает в нее до краев коньяк, говорит: «Ваше здоровье, Лизавета». Выпивает. И спрашивает серьезно: – Куда мы идем, Лизавета?

– Никто не знает, – отвечаю я. – Этот вопрос человечество задает себе с тех самых пор, как научилось говорить. Один древний философ однажды написал: времена становятся все хуже, дети не слушаются родителей, и все хотят быть писателями.

– Неужели? – поражается Йоханн. – Неужели уже тогда?

– Уже тогда. Так что все в порядке, Йоханн Томасович. Главное – мы движемся.

– Иногда неплохо бы знать куда, – ворчит он. После коньяка главред порозовел и щеками, и лысиной, распустил узел галстука, еще дальше вытянул длинные ноги. Закрыв глаза и, кажется, задремал.

Я сижу тихо, как мышь. Мысленно сочиняю ответ на очередное письмо, в котором плач и стон. Удивительно, думаю иногда, я – вечная девственница и по жизни, и по знаку Зодиака, даю советы брошенным девушкам. Утешаю, жалею, обещаю, что все будет хорошо. Верю ли я в то, что говорю? Что где-то впереди, за поворотом, их ждет прекрасный принц... А что такое «прекрасный принц» в их понимании? А в моем? Их принц, скорее всего, – упакованный бизнесмен на крутой тачке, у которого немерено денег. Мой... Мне все равно, как он упакован. Можно без тачки, хотя неплохо бы, если честно. И деньги... Раньше многие презирали деньги. Воспитавшая меня Светлана Семеновна была бедной по теперешним понятиям. Но назвать ее бедной язык не поворачивается. Она была очень богатой, хотя всю жизнь, кажется, проносила одну и ту же синюю шерстяную юбку. Раз принц – значит богатый. Для девочек, пишущих письма, богатство – это деньги. Для меня же...

Я постоянно думаю о человеке, который звонит мне, – Игорю. Я не представляю, что он богат, ходит по ресторанам, «рассекает», как выражается Аэлита, на шикарной тачке. Я даже не особенно верю, что он художник. Художники, которых я знаю, держатся иначе. Взять хотя бы городскую знаменитость Николая Башкирцева, у которого Аэлита брала интервью...

Йоханн ревел, как раненый бык, читая это интервью.

– Где художник? – орал он на Аэлиту.

– Что значит, где? – орала она в ответ. – Откуда я знаю, где!

– Здесь нет художника! – Он потрясал листками с сочинением звездного дитяти. – Здесь одна пошлость!

– Почему это пошлость? – защищалась Аэлита.

– Кому интересно читать про его автомобили? – вопрошал Йоханн. – И про отдых в Испании? Творчество где, я вас спрашиваю? Он же художник... этот Башкирцев? Или нет?

– Я спрашиваю о том, что интересно нашим читательницам, – отбивалась Аэлита тоже на повышенных тонах. – У нас тут не... энциклопедия!

После криков наступала тишина. Йоханн пил валерьянку и правил интервью. Аэлита, чувствуя себя победительницей, гордо курила в тупичке под огнетушителем. Тупичок в конце коридора назывался «Уголком поэта», там собиралась золотая молодежь, травила всякие байки, в том числе и про Йоханна.

Так мы и жили...

...Мой новый знакомый, наверное, скромный оформитель, думала я. Господин оформитель. Одинокий, не мальчик уже, не особенно уверен в себе. Сидит в своей мастерской, как

в келье, делает эскизы или думает, рассеянно глядя в окно. И я представляю, как приношу ему чай. Глубокая ночь, он работает. Ему лучше всего работается ночью. Он даже не замечает меня. Лицо его испачкано краской, в глазах вдохновение. Если вдохновение – значит, все-таки он художник, а не оформитель. Или нет, он пишет для души, а... оформляет ради денег. Жить-то надо. Мне нравится в нем... любопытство. Радостное любопытство. С каким интересом он выпрашивает у меня о письмах читательниц – серьезно, без намека на насмешку...

...Я ставлю чашку на... куда же я ее ставлю? Я оглядываюсь. Длинный деревянный стол, заваленный кусками ватмана, длинная деревенская скамья у стены, парчовое вытертое кресло в углу, прялка, детская люлька, подвешенная на толстой веревке к крючку в потолке, чуткая, вздрагивающая от малейшего сквозняка. Кажется, я видела что-то похожее в кино... Ночь... Э, стоп! Какая ночь? Художники не работают по ночам. Им нужен свет. Им нужны окна и стеклянная крыша. Значит, его мастерская на последнем этаже большого дома, а в крыше – окно-иллюминатор, в которое солнечный свет падает на холст. И дело происходит днем. А на холсте... Что же он у нас пишет? Бескрайние зеленые поля, реку в песчаных берегах, белые облака. Безмятежный летний день, полный звона цикад и шелеста ивовых листьев. И песок на его картине горяч, и нестерпимо сверкание воды – даже больно глазам...

– Лизавета, вы что, спите наяву? Грезите? – доносится до меня издали голос Йоханна. – И кто же он? – В голосе его мне чудятся ревнивые нотки.

– О чем вы, Йоханн Томасович? – спрашиваю я, возвращаясь в действительность.

– Кто он? – переспрашивает Йоханн. – У вас такое лицо...

– Никто, Йоханн Томасович, – отвечаю я. – Просто задумалась. Ответила сегодня на четырнадцать писем. Наверное, устала.

– Четырнадцать? И всем одно и то же? Что все будет хорошо? – Он смотрит на меня с состраданием. Глаза его кажутся выгоревшими на багровом лице.

– Я верю, что все будет хорошо.

– Вы добрый человек, Лизавета, – говорит он, все еще рассматривая меня. В голосе его сожаление. Сам он не верит, что все будет хорошо.

– Вы тоже хороший человек, Йоханн Томасович.

– Может, вы еще и пишете от руки?

– Пишу.

– Но почему? – изумляется он. – Кто сейчас пишет от руки?

– Потому что мне нравится моя работа. И мне их жалко.

– Я не верю вам, Лизавета. Отвечать на глупые письма – неужели это то, о чем вы мечтали? Разве можно сочинить четырнадцать разных ответов на четырнадцать одинаково глупых писем? Да еще и от руки?

– Они не глупые, Йоханн Томасович, и мечтала я совсем не об этом. Но ведь кому-то нужно...

– А о чем?

– Наверное, я вообще не мечтала. Или о всяких мелочах, вроде нового платья или красивых туфель. А большой мечты у меня не было...

Я соврала. Была у меня мечта. Я часто представляла, как в один прекрасный день откроется дверь и на пороге появится моя мать... Но не рассказывать же об этом Йоханну! Его поколение грезило о полетах в космос и покорении Северного полюса...

– А эта статья о пришельцах и женщине... можно ее почитать? – спрашиваю я, чтобы перейти на другую тему мечты.

– Можно. Зайдите ко мне утром и возьмите.

– Вы дадите ее в номер?

– Ясен пень, дам. Лешка излагает свою историю настолько убедительно, что только такой старый неромантический тип, как я, может сомневаться. А те, кто пишет вам письма, проглотят ее и потребуют продолжения. И он с удовольствием их удовлетворит. И знаете, что будет дальше? Эта женщина родит двойню... Или даже тройню! Детей индиго со всякими паранормальными свойствами. И фотографии в придачу. Лешка Добродеев способен набодяжить что угодно, не хуже Стивена Кинга. Единственная причина, почему он не пишет роман, – неусидчивость. Он же и десяти минут кряду не усидит на одном месте. Этот гений вечно в полете, и покой ему только снится.

– По-моему, история как раз для нас, – говорю я примирительно. – Читателям хочется сказки и чуда.

Леша Добродеев мне нравится. Толстый, с большим животом, удивительно подвижный, он на бегу сует голову в мою комнату и кричит: «Как жизнь, малышня! Что пишет прекрасный пол?» Иногда Леша вытаскивает меня в нашу кафешку, шумно, с размахом покупает кофе и десяток пирожных, одно тут же запикивает себе в рот – и при этом не перестает болтать. Или дарит начерканные размашисто, на ходу, бездарные стихи.

– Мне тоже хочется сказки, только, к сожалению, я в них больше не верю, – ворчит Йоханн. – А вы, Лизавета, должны верить в сказки... в силу своего возраста. Вы верите?

Я задумываюсь.

– Не знаю.

– Эх, был бы я помоложе, – вздыхает Йоханн. Отвинчивает крышку серебряной фляги, наливает коньяк, опрокидывает в рот, зажмуривается, издает невесомое «а!»...

* * *

...А в это самое время Иллария сидела у себя в кабинете и репетировала завтрашнюю речь для радио. Она собиралась рассказать слушателям о славном юбилее «Елисейских полей». О том, как журнал сеет разумное, доброе, вечное и как много он значит для города. Зачитать отзывы известных людей – мэра, его жены, примы драматического театра, владелицы дома моделей Регины Чумаровой, бизнесмена Речицкого, грубияна и скандалиста, которого журнал, можно сказать, наставил на путь истинный, и многих других.

Несколько писем с благодарностью от рядовых читательниц Иллария сочинила сама. Получилось очень мило. Она расскажет завтра о творческом пути журнала, сплоченном коллективе, преемственности поколений. О молодых талантах и маститых профессионалах, цвете отечественной журналистики – Алексее Добродееве и Йоханне Аспарагусе. И пригласит всех желающих на славный юбилей, который состоится там-то и там-то... и так далее.

Она взглянула на часы – ого! Половина девятого. Засиделась. Завтра после записи она позвонит папаше звездного дитятки, намекнет, что надо бы помочь с празднованием, и усадит художника за эскизы обложки юбилейного издания и приглашений.

Иллария сидела, прикидывая, что еще нужно сделать, к кому обратиться, какие слова найти... и кто чего стоит. Каждый из тех, кто клюнет на призыв, готов платить за предлагаемый товар. И ее задача – заставить их раскошелиться, кого лестью, кого восхищением, кого намеком на соперников. В искусстве интриги Иллария дала бы фору и Речицкому, и Регине, и многим другим, кто считает себя крутыми ребятами. Причем никто об этом даже не догадывался, глядя на ее ангельское лицо и невинные голубые глаза. Никто, кроме ее адвоката, которого она не стесняется. Возможно, еще Речицкий...

Глава 7

Посадовка

Павел Максимов привыкал к свободе и одиночеству. И не узнавал себя. Теперь он мог часами сидеть на веранде, рассматривая молодую траву, мощно выстреливающие из земли стебли нарциссов, тугие бутоны на яблонях и сливе. Его поражала жадность, с которой все вокруг торопилось жить.

Яблони расцвели седьмого мая. В девять утра еще были бутоны, а в одиннадцать, когда пригрело солнце, с едва слышным шорохом стали раскрываться бело-розовые цветки. Посветлело вокруг, сладкий запах поплыл, и деловито загудели пчелы. И сразу же забился пульс, захлестнуло нетерпеливое ожидание перемен. Он смотрел на нежные яблоневые цветы, чувствуя, как в нем что-то отзывается. Душа его сбросила груз, родилась заново и теперь познавала мир. Он заплатил... Все, что с ним произошло, правильно. За ним числился долг, и он его заплатил. Страшный, глупый долг...

Вдруг ему подумалось, что с того самого времени, как он ушел из Посадовки, он не видел, как цветут яблони. Он навещал родителей, они сидели на веранде, если дело было весной или летом, он помнит деревья, ромашки помнит – крупные, глазастые, любимые цветы матери. Розы... Но никогда он не чувствовал того, что испытывал сейчас. Если бы он не стеснялся самого себя, он заплакал бы, не умея даже объяснить, почему. Каменное безразличие, темнота, холод, страх отодвигались, уступая место чему-то, чему и названия-то нет.

Он вспомнил Олю... Она искала квартиру, молоденькая учительница русского языка и литературы. Ее прислали из района в их посадовскую школу, где держались только местные, у кого были здесь дом и хозяйство. Она, неприкаянная, бродила от дома к дому, спрашивала, не сдастся ли комната, и согласилась бы даже на угол. На лице ее застыло растерянное жалкое выражение. Мать пожалела ее, сказала: «Поживи у нас пока, в тесноте да не в обиде. А там подыщешь...»

Павел не обратил на девушку никакого внимания, удивляясь блажи матери – они никогда не сдавали комнат. Потом он часто думал, что у нее был дальний прицел.

Ему исполнилось тогда двадцать шесть, и он начал зарабатывать свои первые, большие по тем временам, деньги. Прежняя работа программиста не шла ни в какое сравнение с новой, хотя была не в пример безопаснее. Вдвоем с напарником, Андреем Громовым, они пригоняли из Европы автомобили, которые тогда, по бедности и неопытности, люди называли универсальным словом «иномарка». Это потом стали разбираться, что к чему. С Андреем он познакомился на какой-то дискотеке. Тот присматривался к нему некоторое время, а потом предложил работать вместе.

Им повезло, они сумели захватить свою нишу до того, как борьба за территории достигла пика. Желающих стало больше, чем места. Выживали сильные, слабые уходили. Или умирали.

Через три года у них была мастерская по техобслуживанию и восемь человек персонала. И грандиозные планы. Они были молоды, предприимчивы, от свободы голова шла кругом. Они зарабатывали прилично, что беспокоило отца. Мать же тревожило совсем другое – его шальная ночная жизнь, загулы по три-четыре дня подряд, сомнительные женщины, звонившие ему в любое время дня и ночи. Тем более что рос он непросто, всякое бывало. Кое о чем мать знала, кое о чем даже не догадывалась, к счастью...

И тут вдруг появилась Оля... Тонкая, робкая, с русой косой, которую она закалывала на затылке голубой пластмассовой заколкой. С тяжелой сумкой с учебниками. Возвращаясь домой в два, а то и в три утра, он видел свет в ее комнате и мельком удивлялся: неужели готовится к урокам? Он даже не задумывался над тем, красива ли она. Оля казалась ему никакой,

от нее за версту несло старой девой. Одевалась она бедно, ногти стригла коротко, не красилась. Его городские подружки были поярче. Ему и в голову не приходило, что мать вынашивает далеко идущие планы. Маша, по-женски более чуткая, ревновала. Она обожала брата, а он снисходительно подкидывал денег ей на шмотки и косметику.

А потом умерла Олина мама, и она уехала домой. Мать попросила его помочь. Он, недовольный, отказался было, но она неожиданно проявила твердость. Три дня он провел в забытом богом Зареченске, в небогатой квартире Оли. Добывал справки, организовывал похороны, закупал продукты для поминок. Оля, осунувшаяся, почти прозрачная, словно застыла. Какие-то старухи в черном хлопотали в доме, готовили еду, шарили по шкафам, закрывали кусками черной ткани зеркала и задергивали шторы. Шепот их напоминал ему шипение змей, а взгляды они бросали на него острые, как лезвия бритвы. Тогда впервые он подумал, что смерть уродлива, и атрибуты ее тоже уродливы. Хотя было это все чистой воды глупостью – он наделял старух какими-то демоническими чертами, а они были обыкновенными провинциальными бабками, общительными, говорливыми, любопытными, знающими ритуал, для которых происходящее действо являлось репетицией их собственного, недалекого уже, ухода. И воспринимали они все трезво и деловито, подойдя в силу возраста к роковой черте и твердо зная, что «все там будем».

Тогда-то он и обратил внимание на Олю. Пожалел, наверное. Любовь рождается из разных чувств – страсти, восхищения, жалости. Она или обрушивается на человека, как гром с ясного неба, или долго блуждает тайными тропами, чтобы нечаянно выйти однажды, зажмуриться от света и сказать негромко: эй, я пришла!

Его любовь, наверное, родилась из жалости. Хотя был он человеком довольно жестким и сильным. Даже авантюрным. Из таких когда-то получались пираты и рыцари удачи, а сегодня – предприниматели. И нравились ему совсем другие женщины – раскованные и смелые. А вот поди ж ты... Когда Оля смотрела на него своими серыми глазами, удивительными, излучающими свет, у него перехватывало дыхание от... жалости. Он стал ловить себя на том, что спешит по вечерам домой, прислушивается к звукам из ее комнаты, вздрагивает, заслышав ее голос. Ему все время казалось, что с ней должно непременно случиться что-то плохое, какое-то несчастье: то ли под машину угодит, то ли хулиганы нападут, то ли просто исчезнет без следа.

Это чувство ожидания и страха оставалось с ним всегда. До самого конца. Как предчувствие трагической развязки их истории...

А может, его стремление к Оле было стремлением... очиститься? Это пришло ему в голову только сейчас. Он хватался за нее, как за спасение. Он был грешником, замаливающим свой грех... Дурацкий, юношеский, который он пытался вычеркнуть из памяти, но тот нет-нет да и возвращался в ночных кошмарах.

– Добрый вечер! – рявкнул кто-то рядом, и Павел вздрогнул. Поднял глаза. Перед верандой на дорожке стоял толстый мужик с красным, сторевшим на весеннем солнце лицом, в синих, вытянутых на коленках тренировочных штанах и застегнутом на одну пуговицу пиджаке на голое тело. Мужик улыбался приветливо и даже слегка заискивающе.

– Мы соседи, – он махнул неопределенно рукой, отвечая на вопросительный взгляд Павла. – Купили вот тут дом недавно, у Кузьменчихи. Смотрим, а у вас вроде как свет горит. Вчера типа еще никого не было... а тут свет. Моя говорит, смотри, Степа, – это я Степа... – Он потыкал себя в грудь. – Говорит, смотри, вроде как заселились. Ну, думаю, надо пойти познакомиться, как полагается... с соседом. Говорю своей, пойдучи, чтоб по-людски... а куда денешься?

Он вытащил из-за спины руку с зажатой в ней бутылкой. Слегка бессвязная речь свидетельствовала о том, что сосед уже принял на грудь. Не дожидаясь приглашения, он поднялся на веранду, плюхнулся в плетеное раздолбанное кресло, которое угрожающе затрещало под ним.

Пиджак распахнулся, обнажив волосатый живот. Незванный гость со стуком поставил бутылку на стол и спросил:

– Закусить найдется, хозяин? Наломался, как папа Карло! – Он утер потный лоб полкой пиджака. – А погодка-то какая, а?

Сосед Степа руководил процессом, разливал водку и провозглашал нехитрые тосты «за знакомство», «чтоб жилось на новом месте» и «за бизнес». Они с женой собирались разводить нутрий, для чего требовалось «охренть сколько справок, и каждому на лапу вынь да положь!». Обо всем этом он простодушно поведал Павлу.

– Слушай, – вдруг сказал тот, и Степан перестал жевать, с трудом фокусируя взгляд на новом друге. – Тут стреляли ночью... рядом, не знаешь кто?

– Стреляли? – повторил Степа. – Дак это ж Северинович балуется!

– Северинович?

– Ну! Он... это самое, не в себе вроде, – понизил голос Степа и повертел пальцем у виска. – С приветом.

– Кто такой Северинович?

– Ну, дак сосед же, Глеб Северинович, – объяснил Степа. – Большой человек, говорят, был. Вроде как главный прокурор города. Давно, лет тридцать назад. Или все сорок. Ох, и не люблю я их братию, Павлик! Ох, как не люблю! Но Северинович мужик вроде ничего, безобидный, хотя и не уважает... это дело, – он шелкнул себя пальцами по горлу, – а так ничего, только психованный. Но понимающий...

– Он, что, охотник? – спросил Павел.

– Охотник! – Степа захохотал и тут же закашлялся. – По врагам – пли! Это он кота извести хочет. Кот, скажу я тебе, Павлик, такая зверюга, такая зверюга... охренть! Черный, здоровенный, как собака, хитрый, цыплят таскает. И даже курей! А Северинович прикупил себе двух цыплят – курешку и петушка. Растил, как родных детей, из рук кормил. А кот возьми да и сожри курешку. Ну, Северинович сразу с копыт. Крику было, не поверишь! За женой так не убивался. Потом за ружье, и против кота. Война! – Степа хохотнул. – Дня три сидел в засаде, да кот тоже не дурак, чует опасность. Как сквозь землю провалился. Северинович теперь не спит, дежурит по ночам, ждет врага. Ну и пуляет, ежели чего. Испугался?

– Испугался, – признался Павел. – Я сидел на веранде, и вдруг выстрел.

– Не бойсь, Северинович в людей не пуляет. А потом, сильно мажет, старый уже, – успокоил его Степа. – А кота не видел?

– Видел. Сидел на перилах.

– Вот сатана! – восхитился Степа. – И не боится же!

– А чей кот?

– А ничей, дикий. Сам приبلудился. Здесь хорошо, воля, полно цыплят, крысы есть, ну, там, птички, живи себе в свое удовольствие. Если Северинович не изведет. Мы тут с Юриком... Слушай, а Юрик кто тебе? Хороший мужик, спокойный, с пониманием...

– Муж сестры.

– А-а-а... Так мы с ним даже вроде как поспорили на десятку – кто кого. Он поставил на кота, я – на прокурора. Куда коту против прокурора, он хоть и старый, все равно прокурор. Давай, Павлик, за вза... вза-имо-по-мо-нимание!

Они прикончили Степину бутылку, Павел принес свою. Сосед обрадовался, даже прослезился:

– Я так рад... Павлик... Целый день, как папа Карло, понимаешь... рассада... печет уже... моя не слазит... монстр! Сейчас прибежит. Ну, давай, за дружбу! Будем!

Но выпить они не успели. Со скрипом отворилась калитка, и на дорожке появился Юра с полными сумками в обеих руках.

– Юрик! – обрадовался Степа. – Давай скорей к нашему шалашу!

– Добрый вечер, – поздоровался Юра, останавливаясь перед верандой. – Меня Маша прислала, говорит, ты тут голодаешь...

– Ты садись давай, – захопотал Степа, – потом расскажешь. Продукт греется! Павлик, посуда лишняя найдется?

– Я сам, – сказал Юра, скрываясь в доме. Появился он минут через пять, когда Степа уже окончательно извелся и десять раз повторил «ну где ж он там?». Принес синюю эмалированную кружку, тарелку и вилку.

Степа заржал радостно:

– Покруче посуды не нашлось? Ну, поехали! За встречу!

– Не возражаешь, если я у тебя заночую? – спросил Юра, когда они выпили. – Маша не против.

– Да ночуй сколько хочешь, – разрешил Степа. – Делов-то. Можно и тут, на веранде, ночи уже теплые. Правда, Павлик?

– Правда, – отозвался Павел. Он испытывал странное чувство... выхода на свет, что ли. Словно он долго находился в тени, прятался, а теперь взял и выступил из тени. Примитивный пьяненький Степа выманил его наружу рассказами о прокуроре и черном коте, раскаде помидоров, назвал свою половину монстром... Все это было той жизнью, от которой он отвык за долгие восемь лет. Стальная пружина внутри, туго сжатая, ослабела, и ему вдруг страстно захотелось обратно в эту жизнь – вот так, запросто прийти с бутылкой к соседу, к тому же Степе. Или принимать его у себя, сидеть за столом, болтая ни о чем, хоть о помидорах, хоть... да о чем угодно! И пить, расслабляясь, ощущая спиной, плечами, локтями родительский дом. И смотреть на траву и ровные грядки с чем-то красивым и зеленым... «Я дома, – подумал он. – Я вернулся». Он был пьян – впервые за много лет...

А на дорожке, ведущей к дому, тем временем появилось новое действующее лицо – полная женщина средних лет в пестром легком платье с большой кастрюлей, завернутой в полотенце.

– Добрый вечер, – поздоровалась она, улыбаясь. – Я тут вам картошечки сварила. Степа, сгоняй за солеными огурчиками! На столе в кухне. У меня рук не хватило.

– Светка! – удивился Степа, привстав и снова падая назад в кресло. – Картошечки... этта хорошо! Знак... знакомьтесь... ребята... моя половина!

– Проходите, Света, – пригласил Павел. – Пожалуйста, садитесь.

Женщина поставила кастрюлю на стол, сняла крышку. Повалил густой пар, ударило горячим картофельным духом.

– Я сейчас, – сказала она. – Мигом, за огурчиками!

Она легко сбежала по скрипучим ступенькам и скрылась в кустах.

– Там дырка в заборе, – заметил Юра.

– Ага, дыра. А чего вокруг... когда так ближе... по-соседски... – вставил Степа. – Пришла... картошечка! Она мне все уши прожужжала, новые соседи... новые соседи... Явилась не запылилась... любопытная Варвара! Я ж ее насквозь...

– Павлик, тебя Андрей искал, – сказал Юра. – Маша просила передать, чтобы ты обязательно позвонил, может, с работой все устроится.

– Позвоню, – ответил Павел, которому не хотелось ни о чем думать. Вечер был теплый, они хорошо сидели. Первые звезды зажглись...

Юра включил свет, и сразу же налетели ночные бабочки, закружили вокруг белого шара. Потянуло холодком от земли.

– Ой! – вдруг вскрикнула женщина. – Смотрите, кот!

Знакомый черный котяра сидел, как и давеча, на перилах и, прищурясь, поставив зрачки вертикально, смотрел на людей. Длинный хвост змеей свисал вниз, и кончик его чуть подергивался.

Странное чувство дежавю охватило Павла: кожей между лопатками он почувствовал, что сейчас грянет выстрел. Вот-вот, сию минуту... И не ошибся – бабахнуло, как бомба! Звук выстрела в вечерней тишине показался оглушительным. Степа, матерясь, свалился на пол. Света взвизгнула. Юра вжался в стену и побледнел. Павел не шелохнулся – ожидал, был готов. С трудом удержался от смеха, глядя на ползающего на полу Степу.

– Еханный бабай! – заорал тот с пола. – Северинович! Не балуйся! Выходи! Ты ж тут всех на хрен... блин... порешишь!

Тишина после выстрела казалась пугающей. Кота и след простыл. Прошла минута, другая. Потом кусты справа легко шевельнулись, и на сцене появилось новое действующее лицо – седоголовый, тощий, длинный старик в кацавейке и резиновых сапогах. С ружьем. Прокурор.

– Честь имею, – сказал старик, приветствуя всех взмахом руки. – Где животное?

– Смылся, – ответил Степа. – А ты, Северинович, опять промазал.

– Ничего, – ответил прокурор, – наше дело правое. Преступник не уйдет от правосудия!

– Давайте к столу, Глеб Северинович, – пригласила старика Света, чувствующая себя как дома. – Мальчики, стульчик гостю!

Прокурор прислонил ружье к перилам, уселся на принесенный Юрой стул, внимательно посмотрел на Павла.

– Хозяин? – спросил он.

Павел кивнул.

– Давно освободился? – последовал новый вопрос.

Юра кашлянул, неловко шевельнулся.

– Ну ты, Северинович, свои прокурорские замашки... этта брось... – сказал Степа не особенно уверенно.

– Три недели, – ответил Павел.

– Дом твой? – продолжал прокурор.

– Мой. Родительский.

– Прокурором был, прокурором помру, – обратился старик к Степе. – А тебе уже хватит!

– Глеб Северинович, я вам сейчас картошечки с мясом, огурчиков, кушайте на здоровье, – захопотала Света, накладывая полную тарелку и ставя ее перед ним. – Хлебчик возьмите, кушайте. А по чуть-чуть? – спросила она умильно, заглядывая ему в глаза. – За знакомство? А?

Старик посмотрел на нее с удовольствием, перевел взгляд на притихших мужчин, сказал:

– Ладно, давайте! За компанию. Как зовут?

Павел назвал. Как ни странно, он не испытывал неловкости.

– Это дело! – обрадовался скисший было Степа. Проворно разлил водку по стопкам, а Юре плеснул в синюю кружку. – За знакомство!

Павел невольно хмыкнул – Степа пил за знакомство уже четвертый раз. Он подумал, что, может, и неплохо, что так вышло – по реакции соседей он понял, что ни для Светы, ни для ее мужа его прошлое не составляло тайны. Посадовка была вроде Земли Санникова – закрытый мир, где нет тайн от соседей, легенды тут передаются из уст в уста, и ему теперь не придется делать вид, что... что... врать не надо, одним словом. Сидел. Освободился. Вернулся. Точка. Кто без греха, бросьте камень и... и так далее.

Все чокнулись. Света выпила и вскрикнула, сморщилась, замахала руками, Степа хохотнул, Юра улыбнулся. Даже невооруженным взглядом было видно, что ему хорошо. Павел вспомнил, как он провожал его, как не хотел возвращаться домой...

Ночь плавно опустилась на спящую Посадовку. Ночь и тишина. Горела лампочка в белом шаре, бились в стекло глупые ночные бабочки. Всякие мысли о смысле жизни лезли в голову...

Глава 8

Встреча

Нюся доверительно произнесла в микрофон:

– Иллария Владимировна, к вам пришли. По вопросу юбилея. Спонсор! – Последнее слово она прошептала.

По многозначительному тону секретарши Иллария поняла, что тот, кто пришел, произвел на Нюсю впечатление. Она своим опытным глазом мигом оценила его возможности и пропускает, не помытарив даже для вида в приемной.

Дверь открылась, и вошел...

Непроизвольно Иллария представила себе солидного, в годах мужчину, снисходительного, высокомерного, прекрасно одетого, знающего толк в женщинах, коньяке и автомобилях. Хозяина жизни. Кого-нибудь, кого она знала, с кем встречалась раньше. То ли волшебное слово «спонсор» навеяло, то ли конспиративный Нюсин шепот.

Дверь открылась, и вошел человек – полная противоположность воображаемому. Посетитель оказался длинным парнем в джинсах, черном свитере и легкой защитного цвета ветровке. С растрепанными рыжими волосами, веснушками на носу и светло-кариими глазами. Он пересек комнату, улыбнулся, заиграв веснушками, и, не дожидаясь приглашения, уселся в кресло перед столом Илларии.

– Здравствуйте, – сказал он низким звучным голосом, в упор рассматривая хозяйку. – Вы еще красивее, чем я представлял.

Иллария и не такое слышала, на нее подобные дешевые приемы давно не действовали. Она в упор рассматривала сидевшего перед ней человека, в котором все было не так. Психолог назвал бы это «несоответствием ролевого поведения социальному статусу». Жизненный опыт Илларии озадачился, не зная, к какой категории мужчин отнести пришельца. Он был молод, как показалось ей в первую минуту. Присмотревшись, она поняла, что не так уж и молод – ее обманула подкупающая мальчишеская манера держаться, рыжие веснушки на носу, проступившие от весеннего солнца, рыжие вихры, рыжие ресницы, рыжие глаза и открытая улыбка. А также джинсы и свитер. Спонсор! Ха! Странно, почему Нюся доложила о нем с... придыханием?

Мастерица ставить нахалов на место, Иллария выжидательно смотрела на незнакомца холодным взглядом, в котором не было и намека на улыбку.

– Я слышал вас по радио, – сказал незнакомец. – И сразу же побежал и подписался на журнал. Меня зовут Кирилл Пушкарев, и я могу помочь...

Иллария продолжала молчать – держала паузу.

– Можно? – спросил он, улыбка стала шире – его, казалось, несколько не обескуражил оказанный прием.

– Как вы собираетесь мне помочь? – спросила наконец Иллария.

– Я могу поставить продукты на ваш юбилей... со скидкой. Маслины, копчености, вина, алкоголь. И обслугу. Более того, я помогу снять помещение. Например, банкетный зал «Английского клуба». Опять-таки со скидкой. Вы уже выбрали помещение?

– Почти, – ответила Иллария, что было неправдой. На «Английский клуб» она даже не замахивалась. Да что она! Речицкий эту идею отмел сразу, хотя слыл человеком с размахом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.